

crime & private

Анна
Данилова

Когда меня не стало

Она отойдет за них обаяние и его страшную смерть и на свою измученную жизнь.

Анна Данилова

Когда меня не стало

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183875

Когда меня не стало: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-31353-2

Аннотация

Чудом оставшаяся после взрыва машины вдова погибшего адвоката Изабелла пытается вычислить таинственного убийцу мужа. Неведомая рука убирает – одного за другим – возможных свидетелей, бывших клиентов адвоката. Буквально на полшага опережает Изабеллу безжалостный преступник. Удастся ли ей распутать этот кровавый клубок ненависти, ревности и предательства?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	73
Глава 6	86
Глава 7	101
Глава 8	118
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Анна Данилова

Когда меня не стало

Дорогой читатель Митес!

Много счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое вечное счастье!

Читайте, познавайте и
испытывайте удовольствие от
книг! И творите сами!

Анна Данилова (фигура)

Глава 1

17 июля

Ей казалось, что стоит только открыть глаза, и она увидит рядом с собой на подушке ЕГО драгоценную голову; мужчина, которого она любила, будет улыбаться во сне, а потом он проснется и обнимет ее, они будут долго разговаривать, шутить и смеяться, а затем он поцелует ее нежно и скажет, что постель – это ложе для избранных...

Она готова была отдать жизнь за одно только утро с Максом.

Но его больше не было.

Его тело, разорванное на куски, пребывало теперь где-нибудь в морге, на ледяном цинковом столе, и патологоанатом в замызганном, порыжевшем от остывающей крови фартуке наверняка выпьет рюмку-другую за упокой души Макса Лермана, известного в городе адвоката.

Он звал ее ласково Зу-Зу. «Изабелла Лерман – звучит несексуально, – заявил Макс в их брачную ночь, пытаясь расшнуровать ее сложное платье из английской сетки и венецианских кружев, – безусловно, это красиво и пышно, в этом сочетании чувствуется нечто итальянско-еврейское, но мне

нужна женщина, от имени которой так же, как от ее тела, исходят тепло и страсть. Поэтому я буду звать тебя Зу-Зу».

Справа от нее происходило какое-то активное движение, кто-то яростно сопел и всхлипывал, кровать ходила ходунком. Но это была не ЕЕ кровать. И эти двое (а то, что их было двое, она просто почувствовала), казалось, не обращали на нее никакого внимания. Они предавались тому, что в обществе нормальных людей называется любовью. Но любовью здесь и не пахло. Здесь пахло гарью, старым тряпьем; тошнотворный запах впитался в стены, и истребить его было уже невозможно.

Она не знала, сколько времени пролежала на этой кровати или тюфяке, на этом ложе, которому она должна быть благодарна хотя бы за то, что оно позволило ее телу отдохнуть и набраться сил.

Но мозг работал вполсилы. Она так и не поняла, где находится и кто рядом с ней. Хотя звук взрыва, который потряс несколько центральных кварталов города, она помнила хорошо... И она знала, что не забудет его никогда. Это взорвалась машина Макса как раз в тот момент, когда он собирался сесть в нее, чтобы подождать Зу-Зу. А что делала в это время Изабелла?

Розовый туман заполнил все видимое пространство: Зу-Зу с ужасом вспоминала их последний день.

– Какие запонки мне лучше надеть?

Макс казался взвинченным. Он много работал, у него никогда не было недостатка в клиентах. Он стал приходить все позже и позже. Зу-Зу ревновала его к клиентам, ей казалось несправедливым, что им, этим людям, которые обращались к ее мужу со своими проблемами, он отдает большую часть своего времени. «Хочешь, я буду тоже платить тебе за то, чтобы ты выслушал меня, Макс, у меня ведь тоже имеются проблемы, и хотя я ЕЩЕ никого не убила, не ограбила и не изнасиловала, но и мне время от времени нужен адвокат. И пусть это будешь ты, Макс». Он так нежно улыбался ей, брал ее голову в руки и целовал ее губы. И она была несказанно счастлива. Но когда он утром, уже стоя перед зеркалом, надевал шляпу или поправлял галстук, готовясь выйти из дома, ей становилось невыносимо тоскливо от надвигающегося ужаса одиночества. Он говорил ей еще тогда, что она так переживает их каждодневные расставания лишь потому, что любит его, но «любовь проходит или ослабевает независимо от нас...». Как же он ошибался!

Когда за ним закрывалась дверь, Зу-Зу подбегала к окну и провожала его взглядом до машины, и, только дождавшись, когда серебристая «Мазда» скроется за углом дома, брела в ванную, вставала под душ и тихонько скулила... Без Мак-

са жизнь казалась ей пустой и бессмысленной. Она слонялась по огромной квартире, закутанная в махровый халат, останавливалась в спальне перед кроватью, подолгу рассматривая сбитые в ком простыни, вспоминая Макса, затем садилась перед остывающим кофейником на кухне и очищала машинально апельсин за апельсином, пока часы в гостиной не пробивали десять. В это время приходила домработница Катя – женщина без возраста, худая, энергичная, немногословная, но, безусловно, умная. Ум сквозил в ее взгляде, которым она редко удосуживала Изабеллу, но в котором читалось так много всего, начиная от презрения и кончая явной укоризной. Изабелла была бы рада поговорить с Катей, но диалога все равно бы не получилось, она это чувствовала...

– Так какие запонки мне надеть?

– Вот эти. – Зу-Зу достала из шкатулки запонки – крохотные веера из трех карт, выполненных из слоновой кости и закрепленных на золотых пластинах: стилизованные пики, черви, бубны...

– Жаль, что вы, женщины, не носите запонки, ты, Зу-Зу, и спала бы с запонками... И что ты в них только находишь?

Макс был высокий, рыжеватый и светлокожий мужчина с большими, слегка навывкате, выразительными карими глазами и крупным ртом. Он был красив, ироничен, остер на язык, быстр в движениях, нежен в любви... Зу-Зу жалела, что так и не увидела его на процессах. «Возьми меня с собой». – «Мужчина зарезал женщину, это неэстетично. Си-

ди дома и жди меня. Приеду – расскажу». И он рассказывал. После ужина, когда они валялись на диване в гостиной, он очень эмоционально и весело, словно речь шла о только что просмотренном им фильме, рассказывал о том, как ему удалось сбить с толку строгого прокурора и выманить у свидетелей путем кажущихся на первый взгляд не связанными между собой вопросов нужную ему информацию. В такие минуты он казался ей просто мальчиком, он смешно и ненатурально хмурил брови, щурил глаза, его лицо по несколько раз за одну минуту меняло свое выражение, а нежный румянец придавал ему особую трогательность... Он запускал белые тонкие пальцы в свои золотистые мягкие кудри и хохотал, видя слезы в глазах Зу-Зу: «Слушай, но это же просто глупо – так реагировать на мой рассказ. Ты не должна быть такой тонкокожей, ведь ты жена адвоката, ты моя жена, жена Максима Лермана... нет, это звучит слишком официально: ты мой зверек, моя девочка, моя женщина... и я обожаю тебя... твои коротко стриженные волосы, все сто восемьдесят сантиметров твоего гибкого и стройного тела, твои длинные руки и ноги, длинную шею, длинные глаза...» – «Длинные глаза, это как?» – «У тебя действительно длинные глаза, похожие на туловища длинных и изящных рыбок...»

...Она исторгла стон. Она готова была рычать. Нет, он не мог вот так оставить ее, бросить, отдать на растерзание толпы! Ведь она только-только вошла во взрослую жизнь, она еще незнакома с ее законами. Она еще такая тонкокожая.

Слезы покатались из закрытых глаз. Но открывать их она пока не собиралась. Она была не готова родиться еще раз. И если первый раз она родилась для счастья, то сегодня ее воскресили для горя. «И почему только я не взорвалась вместе с ним?»

И все же она открыла глаза. Природное любопытство. Она слегка повернула голову и увидела двух голых людей, почти детей. Животный акт подходил к концу. Еще минута, и оба, и мальчик и девочка, рухнули обессиленные на грязные простыни, обливаясь потом. Оба худенькие, с розовыми лицами и белыми хрупкими телами.

– Оденься, замерзнешь, – сказал мальчик своей партнерше. Ему было лет четырнадцать. Копна спутанных черных волос, серая полоска пробивающихся усов над верхней губой, полуоткрытый рот, закрытые глаза и часто вздымающаяся костлявая грудь. Под мышками еще нежные темные волосы.

– Мне жарко... – Девочка, по контрасту с ним белокурая, верхняя губа ее припухла от поцелуев и приобрела вишневый оттенок. У нее уже наметились маленькие острые грудки. Хрупкая, беленькая, с плоским животом, переходящим в беззащитный и неестественно гладкий, с едва заметным рыжеватым пушком лобок.

– Это тебе сейчас жарко, а очень скоро ты замерзнешь. На улице дождь, ветер.

– Ты не спишь? – Он вдруг поймал взгляд Зу-Зу и, ни-

сколько не стесняясь, подвинулся к ней и склонился над ее лицом своей лохматой головой. У него были, оказывается, ярко-синие глаза, такие неожиданные при черных волосах. – Я так и знал, что ты выживешь.

– Где я? – Зу-Зу поднялась на локте и слегка отстранила от себя это непонятное существо с замашками взрослого, повидавшего жизнь мужчины.

– Как где? У нас. Меня зовут Наполеон.

– Ты сумасшедший?

– Нет, так называет меня Лиза.

Беленькая Лиза, прикрывшись серой простынкой, как-то странно улыбнулась.

– Он тебя спас, – сказала она, усаживаясь на постели и отводя длинные светлые пряди волос за плечи. – Тебя хотели убить... Ведь это твоя машина взорвалась возле «Европы»?

– А что случилось со мной?

– Ты лежала в кустах, тебя было легко чистить...

– Что делать? – Она ужаснулась тому, ЧТО именно могло означать это слово на жаргоне этих испорченных детей. А что, если этот Наполеон изнасиловал ее?

– Но у тебя платье без карманов, да и в сумочке нашли всего сто рублей. Никогда бы не подумал, что такие леди, как ты, могут ходить по городу без денег. Даже на одну сигарету с фильтром не хватит.

– А я и не курю. А как же ты притащил меня сюда?

– Никак. Ты сама шла. С закрытыми глазами, но шла. Кто

такой Макс?

– Это мой муж.

– Ты ночью звала его. Это он взорвался?

– Он. – Ей вдруг захотелось ударить мальчишку. Он не имел права произносить имя Макса вслух. Все, что касалось их семьи, теперь принадлежало только ей, Изабелле. В частности, память. – Где мое платье?

– Теперь это не твое платье. Это платье Лизы. – Наполеон рывком стянул с Зу-Зу одеяло, которым она была накрыта. – А ты красивая. Только зачем так коротко волосы стрижешь? Носишь парики?

У этого малого в голове была такая каша, что Зу-Зу вместо того, чтобы ответить, попыталась прикрыться – она лежала совсем голая – и отвернулась.

– Лиза, ты хочешь ее поцеловать? – спросил Наполеон.

– Отдохну, тогда и поцелую. Ты хочешь ее? – Она все-таки была слабоумная, эта Лиза. Изабелла вспомнила, как Макс говорил, что очень часто жертвами насильников, особенно престарелых, являются слабоумные девочки вроде Лизы. Они чем-то возбуждают взрослых мужчин. Выходит, не только взрослых. Но и мальчиков. Сейчас же у Наполеона явно проснулся аппетит на Зу-Зу. Она заметила это, когда он, поднявшись на колени, продемонстрировал свое мужское достоинство, которое что-то подозрительно быстро восстановилось после совокупления с Лизой. Мальчишка предложил ей заняться своим инструментом, но Зу-Зу мягко от-

странила от себя это неразборчивое чудовище и попыталась встать.

– Ты возьмешь его? – спросил Наполеон.

– Нет. Скажи лучше, куда ты меня привел? Ведь это же не дом?

Полутемное строение, захламленное ненужными вещами и тряпьем и освещенное голубой керосиновой лампой. Желтоватые стены, неплотно примыкающие друг к другу. Похоже на самодельный шалаш, который Зу-Зу со своими дворовыми друзьями строила в детстве. В щели пробивается голубоватый свет вместе со струями дождя и запахом мокрых листьев. Пахнет осенью, а ведь еще вчера была середина июля – пятнадцатое число. И ничто не предвещало ни дождя, ни смерти.

– Это наш дом.

– А где ваши родители?

– Их нет. Мы вылупились из яйца.

– Где вы берете деньги на еду? – То, что они живут здесь постоянно, было понятно из обстановки: кухонная утварь, две самодельные печки, груда одежды, остатки еды...

– Где придется.

– Что вы сделаете с моим платьем? Продадите?

– Его никто из НАШИХ не возьмет.

– А кто такие НАШИ?

– Те, кто покупает у нас то, что мы находим...

– Вернее, что вы воруете? Называйте вещи своими име-

нами. И чем же, интересно, им не понравилось мое платье?
– Оно весит один грамм. Ты смотрелась в нем как голая.
Она почувствовала головокружение. Наполеон говорил, что она сама дала себя увести сюда. Значит, инстинкт самосохранения предпочел малознакомого парня великому множеству представителей закона?

– ТАМ была милиция, пожарные, «Скорая»?

– Все было. Ты хочешь уйти, чтобы похоронить Макса?

Наполеон разговаривал вполне нормально. А ей всегда казалось, что дети, живущие в шалашах или канализационных колодцах, сильно отстают в своем развитии. Как бы не так! Этот был поразившее многих своих сверстников. Что же (или КТО) заставило его уйти из дома и поселиться в этом страшном месте? И где они живут зимой?

– Тебя не должно касаться то, что я хочу. Дайте мне одежду и выпустите отсюда. За то, что вы спасли меня, я вас отблагодарю. И оденься... Тем более что твоя штука уже давно впала в анабиоз.

– Куда-куда? – Наполеон, оказывается, умел краснеть.

– Это не для средних умов, мальчик. Впал – куда нужно. Для меня, во всяком случае.

Она ожидала удара, нападения, была готова к тому, чтобы защищаться, кусаться и царапаться, все, что угодно, лишь бы поскорее вырваться отсюда и вернуться в город. Она ДОЛЖНА увидеть Макса, как бы плохо он сейчас ни выглядел. Она должна увидеть хотя бы ЧАСТЬ своего мужа.

В горле образовалась плотная пробка – сгусток расплавленных нервов. Словно сплав разноцветных электрических проводков, которые протянулись сюда со всего тела и соединились лишь для того, чтобы приостановить на полпути накопившиеся рыдания.

Но Наполеон не стал препятствовать ее перемещению в пространстве. Он лишь вернулся к Лизе, накрылся одеялом и попытался уснуть. Лиза же смотрела, как Зу-Зу, закутанная в простыню, пытается найти что-нибудь из одежды.

– Возьми джинсы и свитер, на улице дождь, – произнесла Лиза вполне разумную фразу, чем сильно удивила Зу-Зу. – Можешь съесть кусочек сыра.

Но есть не хотелось. Зу-Зу действительно нашла на одном из деревянных ящиков, заменявших здесь стулья, старые линялые джинсы, розовый, весь в пятнах, свитер, нацепила на ноги полуразвалившиеся сандалии из зеленоватого пластика и, повернувшись в сторону ложа, на котором валялись Лиза с Наполеоном, не выдержала и все же спросила их:

– Что вы делаете зимой? Как живете? Чем питаетесь?
– Покупаем керосин. Консервы. Делаем запасы.
– Кто еще живет с вами поблизости? Ведь вы же не одни здесь?

– Кто живет, тот и живет. Лиза за деньги спит с Татаринком. Он живет неподалеку. – Это говорил уже Наполеон.
– А где мои туфли? – неожиданно спросила Изабелла.
– Далеко. У Татарина.

– Вы, наверно, продешевили с ними. Они стоят больше пятисот долларов. Там пряжки из чистого золота.

Наполеон побледнел. Зу-Зу усмехнулась.

– Спасибо. Мне пора.

Она видела две пары глаз, устремленных на нее, и поймала себя на том, что ее собственная судьба на этом страшном фоне нищеты и убожества показалась ей относительно сносной. И хотя это было временным ощущением, это помогало ей прожить хотя бы какое-то время в реальном мире. Она еще не знала тогда, что стоит ей только выйти из шалаша и окунуться в задымленный и влажный, кишачий помоечными миазмами мир городской свалки, как разум оставит ее. Она вновь умрет. Но это будет не последняя ее смерть. Да и окончательное осознание того, что Макса больше нет в живых, придет к ней гораздо позже...

Глава 2

Насколько только хватало взгляда простирались неровные холмы городской свалки. Это напоминало пейзаж после конца света, по представлению Зу-Зу. Тишина, запах разложения, гнили, трупов... Ей казалось, что все запахи приобрели здесь материальность и превратились во что-то липкое и едкое, разъедающее кожу лица и рук.

И она кинулась прочь. К дороге, к звукам проезжающих машин. Она не помнила, сколько времени пробиралась по мягким, топким низинам, сдобренным помоечной жижей и дождевой водой, пока не поднялась к лесопосадкам с дикой смородиной. Здесь, всего в нескольких метрах от свалки, даже пахло по-другому. Похлопав ладонями по мокрой траве и листьям, Зу-Зу попыталась хотя бы таким вот образом обмыть руки и лицо. А потом принялась собирать ягоды смородины и заталкивать их в рот. Это было неслыханное наслаждение. Желтые, темно-красные и черные ягоды вперемежку с мелкими ажурными листиками были вкусными и немного утоляли жажду.

Зу-Зу понимала, что в такой одежде она навряд ли кого-нибудь остановит, а если и остановит, то чем она будет расплачиваться за проезд? Но до города было километров пять, а чтобы добраться до дома, придется пройти еще километров пятнадцать. Откуда ей взять столько сил?

Она представила себе, как пытается остановить машину, как все-таки останавливает какой-нибудь старенький «москвичонок», просит ее подвезти... А что дальше? Кто согласится подвозить девицу в замызганном свитере, с всклокоченными волосами, безумными глазами и губами, перепачканными смородиной?.. Ее могут изнасиловать. С презервативом, конечно. «Скоты!» Она так отчетливо представила себе своих будущих насильников, что желание останавливать какое бы то ни было транспортное средство у нее отпало напрочь. И она пошла пешком.

Голод напомнил о себе часа через два, когда она находилась уже в черте города и брела дворами по направлению к трамвайной остановке, на которую возлагала большие надежды. Пусть даже к ней подойдут десятки кондукторов, она все равно не выйдет из трамвая. Двенадцать остановок, несколько кварталов пешком – и она будет дома. Поднимется к себе, позвонит соседке и попросит у нее запасной комплект ключей. Так было уже много раз.

А дома она смоет с себя всю грязь, наденет чистую пижаму и примется обзванивать своих знакомых, которые сначала удивятся ее звонку, а потом все в один голос будут говорить ей что-то о Максе.

Она проглотила слезы. Она обманывала себя. Она не верила в то, что его уже нет. Она и домой-то рвалась лишь потому, что надеялась увидеть его ТАМ. Или, позвонив к нему на работу, услышать его голос.

Размазывая кулаками слезы, она и не заметила, как вошла во второй вагон трамвая и села к окну.

– Оплатите проезд, – услышала она над самым ухом и вздрогнула.

– У меня нет денег, – сказала она толстой тетке в синей шерстяной кофте, от которой почему-то пахло козой. Или овцой. Словом, как пахнет у вольера с шерстяными животными в зооцирке в пасмурную погоду.

– Тогда выходи, чего расселась? – Голос у тетки был командирский.

– Мне срочно надо домой. Я нездорова. У меня нет денег. – Зу-Зу чувствовала, что еще немного, и вагон станет наполняться людьми, и тогда она уже ничего не сможет сделать. Но пока в вагоне они были одни, она, набрав в легкие побольше воздуха, вдруг с силой схватила тетку за руку и, притянув к себе, прошептала ей в самое ухо:

– Если бы тебе, старая корова, сказали, что у тебя СПИД, ты бы по-прежнему платила за проезд, зная, что ты не сегодня-завтра умрешь?

Кондукторша в считанные секунды покинула вагон и не появлялась в нем все то время, пока Зу-Зу была там.

«Холодно. Боже, как же холодно...»

Она шла под проливным дождем, перепрыгивая через лужи, и удивлялась чистоте и изяществу женщин, которые попадались ей навстречу под прозрачными стильными зонтами и в туфельках на тонких каблукках. Это были люди. А

на кого была теперь похожа Изабелла? Но оставалось пройти всего несколько метров до поворота, за которым она увидит СВОЙ дом. Четырехэтажный особняк на четыре квартиры. Она считала шаги: «Раз, два, три...» Свернула за угол и замерла, встала, чувствуя, что силы оставляют ее...

Дом-то стоял, но та часть его, где находилась ИХ квартира, была черной от копоти. Окна с выбитыми стеклами напоминали черные дыры, под ними на тротуаре валялись какие-то книги, обгоревший рыжий абажур, ножка от испанской кровати... Дыма уже не было, очевидно, здесь хорошо поработали пожарные, но запах копоти оставался. Не могла же она принести его со свалки?

«Где же я теперь приму ванну?»

Она твердила эту фразу, петляя по улицам города и всматриваясь в чужие окна. Она не могла допустить явиться в таком nepотpeбном виде к Вере Фишер или Лоре Парсамян. Хотя у них прекрасные ванны и всегда есть горячая вода.

Она остановила мальчика лет десяти и спросила у него пятьсот рублей или телефонный жетон. Мальчик, испугавшийся, очевидно, ее взгляда, тотчас достал жетон и отдал ей.

Зу-Зу зашла в кабинку и набрала номер Веры Фишер.

– Вера? Это Лора... – Она нарочно заговорила низким голосом, подражая Лоре и с трудом соображая, что она вообще делает. – Вера, что там слышно про Изабеллу?

– Лора, ты снова напилась? Ну ты вообще сбрендилa... – красивым и мелодичным голосом пропела Вера. – Лерма-

нам не повезло... Максим с Изабеллой приказали нам долго жить.

– Это ты про взрыв, я поняла... Но ведь ее тела, кажется, не нашли...

– Нашли два тела: мужское и женское. Я же тебе сегодня утром все рассказала...

– Какой ужас... Вера, а кто же хоронить их будет?

– Да ты, я вижу, совсем плоха стала... Наши же мужья и похоронят. Фишер мой с самого утра занимается всем этим... Ты хотя бы помнишь, что у них сгорели квартира и дача. Вот так-то быть адвокатом...

Зу-Зу повесила трубку. Вера трезва как стеклышко, она вообще не пьет, а Лора напилась. Напилась, наверно, когда узнала о ЕЕ, Изабеллы, смерти. А Вера как будто бы даже рада...

Она вспомнила банкет, который устраивала Вера Фишер вчера вечером... Стоп. Вчера ли?

Она подошла к киоску и спросила у продавщицы, торгующей газетами, какое сегодня число. «Семнадцатое». – «Значит, я пробыла на постели Наполеона с ночи пятнадцатого по утро семнадцатого».

Итак, Вера Фишер пятнадцатого праздновала свой день рождения в ресторане «Европа». Маленький банкетный зал для избранных. Было много гостей, в числе которых и Макс с Изабеллой. Был прекрасный стол, но Изабелла почти ничего не ела. Они с Максом договорились не переедать, как

можно скорее сбежать оттуда и, вернувшись домой, побыть немного вдвоем. Но потом пришли еще какие-то гости, пошел разговор о выборах, Макс увлекся, и Зу-Зу пришлось дернуть его за рукав, чтобы напомнить о данном им обещании уйти пораньше:

– Выхожу через пять минут, а ты выйдешь следом. Я буду ждать тебя в машине. – Так сказал он.

Она снова проглотила слезы и прислонилась к стене какого-то холодного и чужого ей дома. «Макс...»

Что было потом?

А потом ее позвала Лора Парсамян, она пожаловалась, что ее подташнивает, и попросила проводить ее до туалета. И Зу-Зу проводила. Но когда вернулась, услышала, как Вера Фишер говорит своему мужу очень странные слова. Она говорила приблизительно так: «Марк, у Максима большие неприятности, я только что видела, как к нему подходил какой-то господин и разговаривал с ним в довольно резкой форме. Он говорил о том, что Максим-де не выполнил своего обещания, я так думаю, Марк, что он не поговорил с судьей... Ты ведь знаешь, как это бывает... Макс взял деньги, а судье отвез коньяк. Он всегда так делает...» Зу-Зу вдруг почувствовала, что ей стало жарко. Макс не мог так поступить. Да и Марк прикрикнул на Веру, чтобы она замолчала. Причем он сказал ей это в довольно грубой форме. Он всегда уважал Макса. Но Вера не замолчала, она продолжала развивать эту мысль. И говорила достаточно громко, так что

Изабелле даже не пришлось напрягаться, чтобы выслушать все ее перлы в адрес мужа до конца.

Вера Фишер. Она красива. Она любила Макса, и Зу-Зу знала об этом. В этом же ресторане «Европа», как-то выпив лишнего, Вера плеснула Изабелле вином в лицо, заявив ей при этом, что «таким вот молоденьким самочкам вроде тебя не место возле Макса...». И еще она сказала тогда, что только после тридцати можно по-настоящему полюбить мужчину и что она, Изабелла, польстилась на деньги Макса. Изабелла ей ответила: «Да, вы правы (тогда они еще были на «вы»), я действительно вышла замуж за Макса не по любви, а потому что он богат». Она знала, что эта фраза выбьет почву из-под ног Веры. Так оно и случилось. Знай Вера о любви Изабеллы к Максусу, она бы просто приревновала, но, когда она слышала, что Изабелла не любит Макса, она была оскорблена до глубины души.

Когда Изабелла спросила Макса, известно ли ему о чувствах Веры, он пожал плечами и совершенно спокойно проронил: «Это ведь ЕЕ чувства, а не мои». – «А как же быть с моими чувствами, – спросила тогда Зу-Зу, – разве они не волнуют тебя?» – «Твои чувства – мои чувства. И давай не будем о Вере». Из чего Изабелла сделала вывод, что у Веры с Максом до нее был роман.

Но теперь все это уже не имело никакого значения. Ни Макса, ни самой Изабеллы больше не существовало. Кто-то, очевидно, сильно захотел их смерти. Их сожгли вместе с ма-

пиной. Потом подожгли квартиру и дачу. Все. Лерманы кончились. Родители Макса на Украине. У Изабеллы только тетка в Москве, которой, конечно же, никто никогда не позвонит и не напишет о том, что случилось с ее дорогой племянницей. Жизнь закончена. Занавес.

Она снова застонала.

«Я здесь, Зу-Зу...» – вдруг услышала она голос Макса и оглянулась. Это говорил его голосом дождь. Или ветер, пробиравший ее до костей.

«Макс, я не могу пообещать тебе, что буду мстить, потому что я даже не знаю, кто сотворил с нами такое, но обещаю тебе, что буду жить. Ведь ты сам говорил, что жизнь – это все».

Она сжала кулачки, тряхнула головой и, содрогаясь от холода, уже более уверенно двинулась по улице вниз, к набережной. В ней проснулся инстинкт. Он гнал ее к теплу, к еде...

Магазин «Паритет». Ничего не значащее название, но именно в нем Зу-Зу покупала продукты и так обожаемые ею манго. Когда-то она теперь попробует эти сочные желтые мясистые плоды?

«Сегодня же».

* * *

Уже стемнело, когда она затаилась в кустах, наблюдая за

всеми подъезжающими к этому дорожному магазину машинами. По большей части в машинах были женщины, которые ожидали своих мужчин из магазина. «Значит, не жены».

И тут она увидела красный «Фольксваген». Из него вышел мужчина в голубом хлопковом костюме и белом кашне. «Пижон». Он вынул ключи и хотел было уже запереть машину, как его окликнула женщина, показавшаяся на крыльце магазина с большим белым пластиковым пакетом в руках.

– Борис, ау! Я уж думала, что не дождусь тебя... Идем, там еще осталась щучья икра...

И мужчина в голубом бросился к женщине, так и не заперев машину. Зу-Зу довольно часто наблюдала подобные сцены и всякий раз поражалась забывчивости и рассеянности мужчин, оставляющих свою машину незапертой. Но теперь она просто благодарила судьбу за то, что на крыльце показалась эта женщина с пакетом. Не появись она, возможно, в ход пошел бы кирпич или камень, все, что угодно, чем можно было бы разбить окно машины, чтобы забраться туда... Ведь чтобы спрятаться от дождя, чтобы согреться или раздобыть денег, проще всего было забраться в машину. Так рассуждали родственники клиентов Макса, которые нанимали его в качестве адвоката, чтобы тот помог оправдать воров и убийц, бандитов и начинающих разбойников. Но это все было в ТОЙ жизни. Макс был адвокатом, а Зу-Зу вела созерцательный образ жизни. Она не жила, а наблюдала жизнь. Разве что когда возвращался Макс... вот тогда она жила. По-

настоящему.

Зу-Зу оглянулась: не видит ли ее кто-нибудь. Но площадка перед супермаркетом опустела. Это был как раз тот отрезок времени, когда нормальные люди, уже вернувшись с работы, ужинали дома, а ненормальные, то есть те, для которых полноценная жизнь начинается ночью, еще не выползли из своих роскошных квартир в поисках развлечений, горячительных напитков и женщин. Они прибудут сюда, в этот гастрономический рай, часов в десять вечера в сопровождении хихикающих девиц, не обремененных интеллектом и жаждущих с головой окунуться в море сомнительных удовольствий и призрачного веселья, в обществе профессиональных проституток, которые и помогут этим толстосумам выбрать правильный сорт копченой грудинки, свежих угрей и низкокалорийные фруктовые пирожные.

Она открыла дверцу, умело выдернула проводки (как ее учил Макс однажды в лесу, где они провели целое воскресенье, обедаясь приготовленным на костре супом из курицы, а потом, от души радуясь жизни, не заметили, как потеряли все ключи, в том числе и от машины, и вот тогда Макс, смеясь, хотя и немного нервничая, показал Зу-Зу, как можно заводить машину без ключа), соединила их и, услышав, как мягко и живо заурчал мотор, поудобнее уселась на сиденье и, дрожа от страха, выехала с площадки на дорогу.

Ей казалось, что все это только сон. Никогда в жизни езда на машине не приносила ей столь явное ощущение свободы,

причем в самом прямом смысле этого слова.

Остановившись буквально на несколько минут, она, открыв бардачок, нашла там несколько сотысячных купюр, чему несказанно обрадовалась, газовый баллончик и сигареты. «Деньги – это еда».

Она прибавила газу и уже более уверенно повела машину по опустевшим к этому часу улицам. Зу-Зу спешила на противоположный конец города, носивший дачное название «Сады». Там жил друг Макса, Игорь Борисов. Зу-Зу знала, что Игорь еще приблизительно месяц будет в Москве, а потому его дом – двухэтажный особняк, который сам хозяин называл бункером, – сейчас пустовал. Не будь этого потенциального убежища, Зу-Зу и с места бы не тронулась. Осталась бы с Наполеоном и слабоумной Лизой. И наверняка стала бы третьей в их любовных играх.

Начались «Сады». Дорога стала уже, начала петлять между особняками, замелькали высокие бетонные заборы, пронеслась строгая и темная тополиная аллея, показался холм, на самой вершине которого мелькнула и снова скрылась в зелени красная крыша борисовского дома. Притормозив возле коммерческого магазина, торгующего, очевидно, и ночью, она, стараясь особенно не привлекать к себе внимания, купила продукты, мыло, шампунь, бумажные полотенца, кое-что из белья и спички. Ей было дико, что она теперь всю жизнь будет вынуждена считать деньги. При Максе недостатка в деньгах никогда не было. Она, помнится, весело катила

перед собой тележку, нагружая ее продуктами и нисколько не беспокоясь о том, что ей не хватит денег. У нее были другие проблемы, например, как донести все купленное до машины. Но и в этом вопросе ей чаще всего помогали мальчики-продавцы...

Зу-Зу остановила машину перед массивными воротами, и ей показалось, что биение ее сердца прекратилось. Ужас перед содеянным парализовал ее. А что, если сейчас раздастся вой сирены, покажутся желтые милицейские фургоны, и ЭТИ ЛЮДИ В ФОРМЕ окружают ее, арестуют, а потом посадят в тюрьму?

Ее страх был обоснованным: она не была уверена, что запомнила шифр, при помощи которого открывались ворота. Где лежал ключ, она помнила достаточно хорошо, но, пока он не окажется у нее в руках, она навряд ли успокоится.

«Три, шесть, девять, один».

Она вышла из машины и остановилась перед невысоким столбиком с миниатюрной крышей, под которой пряталась от дождя панель с кнопками. Она набрала четыре цифры и, услышав глухой металлический щелчок, вздрогнула и почувствовала, что близка к истерике. Подошла к воротам и легко коснулась рукой холодной мокрой поверхности. Несколько энергичных движений – и ворота раскрылись. Зу-Зу нырнула в машину, которая продолжала преданно работать, и довольно сносно въехала через ворота во двор. Сразу же закрыла их за собой, снова вернулась в машину и заехала под

навес: ей важно было, чтобы машину никто не увидел даже сверху.

Ключ она нашла в условленном месте, в щели наружного жалюзи. Трясущимися руками открыла замок и, войдя в дом и захлопнув за собой дверь, без сил рухнула прямо на пол.

Очевидно, Зу-Зу потеряла сознание, потому что, придя в себя, долго не могла понять, где же она находится. «Макс», – позвала она, чувствуя, что окончательно замерзла. Но ей никто не ответил.

Она поднялась и, нащарив выключатель, зажгла свет в коридоре, затем везде, где только можно было. Она знала, что окна дома плотно завешены непроницаемыми портьерами, «чтобы никто не знал, дома я или нет», как говорил Борисов. У него было много женщин, и, чтобы не осложнять себе жизнь, он придумал эти шторы. Еще он любил по этому случаю упоминать англичан, повторяя где надо и не надо: «Мой дом – моя крепость».

– Твой дом – теперь моя крепость, – проговорила она, срывая с себя ненавистную чужую одежду и направляясь на кухню. Включив электрокотел и проверив, поступает ли в него вода, она с нетерпением принялась ждать, когда же он нагреется. Но прождала она совсем немного, минуты две, после чего решила включить вообще все имеющиеся в доме отопительные приборы.

Она уже чувствовала, что заболит, потому что организм неспособен в одночасье справиться со всеми обрушившими-

ся на него хвоями. Конечно же, она простынет, подхватит грипп или ангину, а то и воспаление легких, кроме того, она наверняка подцепила на свалке какую-нибудь заразу, от которой и умрет...

В аптечке она нашла аспирин, но-шпу, анальгин, фено-барбитал, витамины и великое множество презервативов. «Ничего лишнего». Она выпила сразу две таблетки аспирина и вернулась в ванную.

Когда из крана пошла горячая вода, на душе Зу-Зу сразу стало легче.

Она подождала, пока ванна наберется хотя бы на треть, после чего забралась в нее, погрузив в блаженное тепло свое многострадальное тело. Уже через четверть часа вода приобрела кофейный оттенок. В ход пошло мыло, мочалка, затем шампуни. Пришлось набирать воду заново.

Она вышла из ванны, ощущая себя вареной. Сердце выпрыгивало из груди.

В мужском черном халате до пят она, едва передвигая от слабости ноги, вошла на кухню и вскипятила чайник. Приготовила себе большую чашку куриного бульона из кубиков, распечатала коробку со сдобными ореховыми булочками, вскрыла банку с шоколадной пастой, сорвала пленку с нарезанной ветчины и сняла фольгу с баночки йогурта. Оставалось только открыть коробку с персиковым соком, когда Зу-Зу почувствовала, что снова теряет сознание.

«Зу-Зу, я здесь...» – услышала она голос Макса и запла-

кала. Навзрыд, совсем по-девчоночьи, в голос.

Успокоилась, выпила соку, затем бульону и принялась намазывать пастой булочки.

«Макс, как жаль, что тебя нет, ты напрасно не подождал меня тогда... Напрасно...»

Глава 3

18 июля

Утром она открыла глаза и первым делом попыталась определить, здорова ли она. Обычно после того, как Зу-Зу попадала под дождь, уже на следующий день у нее поднималась температура, начинало першить горло и закладывало нос. Но на этот раз организм, видимо, решил, что с нее и так достаточно несчастий, а потому, удовлетворившись двойной порцией аспирина с вечера, пребывал в довольно-таки сносном состоянии.

Ей предстояло начинать все заново. Потеряв Макса, она лишилась не только душевного покоя и жизни, заполненной любовью и заботой, но и самых элементарных вещей, если можно так назвать огромную квартиру и загородный дом, который они привыкли считать своей дачей. Кроме того, у нее не было денег. Пластиковая карточка сгорела вместе с остальными документами, которыми она пользовалась в банке при получении денег со своего счета. После того как Зу-Зу узнала, что ее считают погибшей, ей не хотелось раньше времени заявлять о своей персоне. Но она понимала, что не сможет пропустить похороны Макса.

«Максим, я приду попрощаться с тобой, чего бы мне это ни стоило».

Она произнесла это вслух, поднялась с постели, открыла шкаф и, к своей радости, обнаружила в нем довольно приличный выбор мужской одежды. Она уже решила, что в женской одежде ее узнают без труда, а мужская одежда в состоянии хотя бы на время сбить с толку людей, отлично знающих ее.

Но стоило ей облачиться в шерстяной темный костюм Борисова, как стало ясно: у нее ничего не получится. Даже если она наденет мужской парик. У нее слишком тонкая кость, слишком плавные движения, она слишком женщина, чтобы естественно выглядеть в мужской одежде.

Решение пришло само. Длинный вязаный джемпер, скрывающий фигуру, приличные, почти новые джинсы и косынка на голове в сочетании с темными очками (косынка нашлась в ванной комнате, ее оставила какая-то подружка Борисова, «спасибо ей») – в этом Зу-Зу выглядела, как существо неопределенного пола. Среднего рода.

Денег оставалось только на то, чтобы на автобусе доехать до центра города, а там с помощью телефонного звонка справиться о дате похорон. Звонить кому бы то ни было она уже не собиралась, поскольку она рассчитывала заехать в юридическую контору, которой руководил Макс, чтобы там на месте убедиться в том, что он действительно мертв: в таких случаях в каждой приличной организации помещают порт-

рет покойного в черной рамке и вешают объявление о дате и времени похорон. Ведь ей все еще не верилось, что его нет.

Кроме того, в случае, если все обстоит именно так и Макс действительно погиб, она просто обязана будет забрать из конторы все принадлежащие ему документы, бумаги... Возможно, что именно с их помощью она и сумеет определить, что же такого мог совершить Макс, чтобы за это поплатиться собственной жизнью. «Да и моей, кстати, тоже». Ведь это было просто чудо, что она осталась в живых.

Еще ее не оставляла в покое фраза, произнесенная Верой Фишер, которая уверенно заявила о том, что в сгоревшей машине обнаружили останки мужчины и женщины. Но Вера – женщина с фантазией. Она и не такое может придумать или ДОДУМАТЬ, это уж как ей будет удобнее. Ведь ей наверняка хотелось смерти Изабеллы. И в ее тайных мыслях это присутствовало, в этом Зу-Зу несколько не сомневалась.

Позавтракав остатками ночного пиршества, она вышла из дома, тщательно заперла дверь, со вздохом прошла мимо красной роскошной машины, которая так и манила к себе, захлопнула за собой калитку и спокойным шагом направилась к автобусной остановке.

* * *

Все изменилось вокруг. Она не узнавала город, ей казалось, что она здесь впервые. Влажный асфальт, лоснящийся-

ся от ночного дождя и источающий одуряющий горьковато-смоляной аромат, казался мягким, словно она шла по надувным резиновым подушкам. Но скорее всего это просто побаливали ее ноги, ведь столько, сколько ей вчера пришлось пройти, она не ходила никогда в жизни. Кроме того, она была еще очень слаба. Наверно, поэтому она зашла в первое же попавшееся кафе в центре города и, заметив свое отражение в многочисленных зеркалах на стенах, остановилась, чтобы еще раз оглядеть себя с головы до ног. На нее смотрела измученная молодая особа в дешевых темных очках (она купила их сразу, как только сошла с автобуса) и цветной шелковой косынке, закрывающей волосы. Высокая, худая, бледная и ненакрашенная. «Мрак».

Она взяла чашку кофе с двойной порцией сахара и два куска пирога с вишней. В это время в кафе вошел высокий блондин в темных очках. Облокотившись на прилавок, он принялся разговаривать с продавщицей. Очевидно, он сказал ей что-то очень смешное, отчего девушка громко расхохоталась и спросила сквозь смех: «Так вам минеральной или кофе?»

Белла подумала тогда, что все вокруг в принципе осталось без изменения: люди по-прежнему шутят, смеются, радуются жизни... И никому нет дела до нее. И никто не остановится рядом с нею и не спросит: «Девушка, а почему у вас такое грустное лицо?..»

Солнце, неожиданно залившее весь столик, вместо того,

чтобы немного привести ее в чувство, вызвало прилив слез. Солнце без Макса казалось излишней и несвоевременной роскошью.

Ее столик отделяла от улицы тонкая стеклянная витрина, украшенная искусственными цветами и муляжами, изображающими эклеры и пироги. Поэтому, когда прямо напротив нее притормозила большая черная машина («Мерседес», – подумала про себя Зу-Зу), она даже отпрянула назад, испугавшись, что ее сейчас обрызгают грязью. Из машины появился солидный господин и зашел в кафе. По его виду можно было определить, что он здесь не впервые. Он уверенно приблизился к прилавку, произнес несколько слов, и по тому, как ему улыбнулась молоденькая продавщица, Изабелла заключила, что она рада его приходу.

Мужчина взял блюдце с точно таким же вишневым пирогом, как Зу-Зу, чашку кофе и сел за соседний столик.

– Осторожнее, – вдруг сказала, обращаясь к нему, Изабелла, позабыв о собственной осторожности и, в частности, о том, что еще утром приняла решение ни с кем в городе не заговаривать, чтобы не дать обнаружить себя, – в пироге попадаются косточки... Мне одна уже попалась...

Господин обернулся, и брови его в удивлении взлетели вверх.

– Спасибо, спасибо... Но я давно уже завтракаю здесь, и мне еще ни разу не попало ни одной косточки... – Он оказался более чем любезен. И улыбка так изменила его, что

Изабелла, почувствовав, что ее реплика может послужить началом разговора «за чашкой кофе», поспешила выйти из-за столика и направилась к выходу. И чуть не столкнулась с блондином, который как раз в эту минуту шел туда же. Она извинилась и выбежала из кафе.

Зу-Зу шла по улице и ругала себя за несдержанность. Ее и Макс сколько раз одергивал, когда она встревала в чужой разговор или бросала такие вот нелепые, идущие от патологической непосредственности реплики.

– Постойте! – услышала она голос сзади и обернулась, надеясь, что это не относится к ней. Но ошиблась: за ней почти бежал господин из «Мерседеса». – Подождите, я вспомнил вас...

Она остановилась, чтобы своими дальнейшими действиями не привлечь к себе еще большего внимания, и опустила голову, надеясь, что, быть может, ее все же с кем-нибудь спутали. Хотя она и так уже поняла, что этот господин наверняка является («Да нет же, Господи, ЯВЛЯЛСЯ...») клиентом Макса. И сейчас он скажет ей об этом.

– Извините, что я так вот бежал за вами... Но у меня сегодня свободный день, хорошее настроение, и мне бы очень хотелось поговорить с вами...

– Со мной? Но почему? – Она видела перед собой высокого худощавого мужчину с красивой головой, украшенной волнистыми седыми волосами. Взгляд незнакомца был ясный, цвет глаз напоминал бирюзу в пасмурный день. Гладко

выбритые щеки, улыбающиеся губы... Он был почти красив, если бы не годился ей в дедушки.

– Вы, наверно, не помните меня, а вот я вас очень хорошо запомнил... Ведь вы – Белла!

«Белла?» Так звали ее в интернате, но это было в другом городе.

– А вы кто? – спросила она и вспомнила, как впервые встретила Макса. Ведь и он первый раз увидел ее именно на концерте в интернате. Но если все приглашенные были заняты праздником, посвященным Дню 8 Марта, то Максим Александрович Лерман явился в интернат с совершенно другой миссией: он приезжал по делу, связанному с убийством учительницы младших классов, и собирался задать несколько вопросов людям, хорошо знавшим ее, которые могли бы пролить свет на это запутанное дело. Макс защищал любовника покойной и, говоря казенным языком, приехал в Томилино за сбором информации.

В тот день они лишь обменялись взглядами. И Изабелла, которая была потрясена видом лощеного хрестоматийного адвоката, потом всю ночь не могла уснуть, думая о нем. А потом он приехал еще раз. Но уже не по делу об убийстве. Он вызвал ее и предложил покататься на его машине.

– Вы меня изнасилуете, а потом убьете? – спросила она, счастливая уже от того, что разговаривает с ним, что стоит возле его небесной, серебристого цвета машины и вообще дышит одним с ним воздухом.

– Нет, сначала я, как правило, убиваю, а уж потом наси-
лую.

– И все адвокаты такие?

– Нет, только я один такой извращенец. Остальные могут
делать только что-нибудь одно.

И она села к нему в машину, как садилась потом еще раз
сорок или пятьдесят – она сначала вела счет встречам, а по-
том сбилась, почувствовав, что попала в рай...

– Меня зовут Григорий Александрович Пасечник, – про-
изнес седовласый.

– Но я вас не помню.

– Я видел вас в Томилинском интернате несколько лет то-
му назад. У меня были некоторые финансовые дела с вашим
директором, и он как-то пригласил меня к вам на репетицию
драмкружка. Ведь это вы играли в пьесе Ибсена Нору?

– Я... Но как вы меня узнали?

– По фигуре. Вы удивительно длинная, вы уж извините, и
тонкая, как прутик... Кроме того, ваша осанка, походка, да
и голос... Вас невозможно спутать ни с кем на свете... Что
вы делаете теперь? Учитесь, наверно, в университете?

– Нет, я нигде не учусь. – Ей захотелось поскорее отде-
латься от него. «Из-за него я не успею на похороны Макса...»

– Вы не хотите вернуться в кафе? – Он так внимательно
посмотрел на нее, что Зу-Зу показалось, будто он видит ее
насквозь.

– Зачем?

– Мне кажется, что вы сами хотите этого... У вас неприятности, я это чувствую...

– Но это МОИ неприятности.

– Белла, не упрямытесь, мне много лет, я знаю жизнь и уверяю вас, что хочу вам только добра. Видели бы вы себя сейчас в зеркале... На вас же больно смотреть... – Он внезапно перешел на совершенно другой тон, на более серьезный и даже какой-то мрачный.

– Хорошо, вернемся, я хотя бы доем свой пирог... – сказала она и покорно пошла с ним в кафе. Она шла по улице и думала о том, что совершенно не приспособлена к одиночеству. Что она действительно как стебелек, который остался без опоры. Но довериться этому голубоглазому господину так же очертя голову, как доверилась когда-то Макс, она не собиралась.

В кафе она села за свой столик и придвинула к себе свой же пирог, который еще не успели убрать. Ей вдруг стало страшно при мысли о том, что она уже ГОТОВА рассказать этому незнакомцу ВСЕ. «Возьми себя в руки, дурочка. Он тебе – никто. И еще неизвестно, может, это он все и устроил... Взорвал Макса, сжег квартиру...» У нее закружилась голова, и она грохнулась на пол.

Когда Зу-Зу пришла в себя, они по-прежнему находились в кафе.

– Тебе лучше? – спросил Григорий Александрович ее, словно они были знакомы сто лет.

– Не знаю... Мне холодно... Мне плохо... Я не хочу жить, пожалуйста, взорвите меня... – Дальше она не помнила, что говорила. Но могла бы поклясться, что ни разу не произнесла имя Макса.

Когда истерика кончилась, он отвез ее к себе.

– Поживи у меня. Я не знаю, что с тобой произошло, возможно, ты просто влюблена, но это пройдет. Поверь мне.

Она сидела на диване в гостиной, кутая ноги в плед, и смотрела, как он готовит чай.

– Можно, я буду называть вас Гриша?

– Можно. Мне будет даже приятно.

– У меня мало времени, а надо многое узнать.

– Я помогу тебе. Кто он?

– Что вы имеете в виду?

– Кто тот мужчина, который оставил тебя?

– Он мой муж.

Она услышала, как звякнула чашка и раскололась пополам: этот умудренный опытом человек даже помыслить не успел о том, что она могла быть замужем.

– Вы, наверное, подумали, что я переспала с мужчиной, который потом бросил меня? Почти что так. Только я переспала с ним очень много раз, а вот бросил он меня не по своей воле. Моего мужа зовут Максим Лерман.

– Максим? Твой муж? Но ведь ты же погибла! Я сам читал в газете и слышал, как передавали по телевидению... Тот мне девушка на фото показалась знакомой... А может, я

именно поэтому и подошел к тебе... Как странно... Значит, ты осталась жива? Ты расскажешь мне обо всем, что случилось?

– Расскажу, если вы докажете мне, что это не вы взорвали нашу машину...

– Милая, но как же я докажу тебе это? Я понимаю, у тебя сейчас слегка крыша едет, но ты успокоишься и возьмешь себя в руки...

Он принес ей рюмку с коньяком:

– На, выпей, тебе станет легче.

– Я была бы вам очень благодарна, если бы это был яд. – Она со слабой улыбкой, какая бывает у обреченных на смерть людей, приняла рюмку и выпила все до капли. – Но коли я осталась жива, то помогите мне хотя бы поприсутствовать на похоронах Макса. Он не простит мне, если я не попрощаюсь с ним.

– Хорошо.

– Узнайте дату и время похорон.

– Это можно прочесть в любой местной газете.

Ей стало стыдно, что она сама не додумалась до этого. Но кто виноват в том, что мысли плыли мимо нее, оставляя лишь шлейф боли и тоски.

– Где ты была все это время? – спрашивал у нее Григорий.

– На городской свалке, – произнесла она отчетливо, понимая, что этим ответом она лишний раз подтвердит его мнение о ней как о сумасшедшей. – Я не шучу и вполне серьезно

говорю вам, что меня сразу после взрыва привела на свалку пара подростков. Это маленькие чудовища, которым я, быть может, обязана жизнью. Ведь человек, подложивший взрывчатку в машину Макса, знал, что нас двое, следовательно, хотел и моей смерти.

– Не думаю, чтобы убийца задумывался об этом. Ему надо было убить Макса, это ясно как день. Ты не принималась в расчет...

– Но зачем же тогда они сожгли нашу квартиру?

– Видимо, твой муж здорово насолил кому-то...

– Он был адвокатом, а в каждом деле есть две стороны...

Вы понимаете, что я имею в виду?

– Конечно. Ну как, тебе стало легче?

– Да, спасибо. Но я не из тех, кто заглушает свою боль спиртным. Я презираю пьяниц и ненавижу алкоголиков.

– Ты еще и не куришь.

– Правильно. У меня красивые зубы, и я не хотела бы, чтобы они пожелтели. Понимаете, я сейчас опять заплачу, потому что, о чем бы я ни говорила, я все равно думаю о Максе.

– Сколько лет вы были с ним женаты?

– Всего год. Совсем мало.

– Почему ты нигде не училась?

– Я училась быть женой, кроме того, мы собирались завести кучу детей.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Ты хотела бы, чтобы я позвонил кому-нибудь из твоих друзей?

– Да, вы просто читаете мои мысли. Обещайте мне, что никому не расскажете о том, что я жива. Мне сложно объяснить это вам... Но мне кажется, что я должна начать новую жизнь... уже без Макса... Мне понадобятся силы. Кроме того, я стала совсем другим человеком. Если вы пообещаете это мне, я стану вашим другом, если же нет, клянусь, я убью вас... Если прежде вы не убьете меня...

– Успокойся. Ты же не на сцене. Я не собираюсь никого убивать. Живи как тебе нравится. И если позволишь, я буду тебе помогать.

– Но зачем это вам? Вы можете попасть в историю... Наше знакомство может лишь навредить вам. Вчера, к примеру, я угнала машину. Мне нужно было срочно согреться... Это долго объяснять.

– Ты хочешь отомстить за своего мужа?

– Пока не знаю. Понимаете, пока я не УВИЖУ его, я не поверю в то, что его больше нет. Вот и все. А теперь позвоните Вере Фишер, моей приятельнице, и спросите, когда будут похороны...

– Я же сказал, что это делать вовсе необязательно. Сейчас я открою газету, и ты сама все увидишь...

И она увидела: «15 июля известный адвокат М. А. Лерман и его 19-летняя супруга Изабелла погибли в результа-

те взрыва мины, заложенной в их машину... По предварительным данным, убийство адвоката – дело рук одного из его клиентов, который после уплаты Лерману большого гонорара остался недоволен решением суда...»

– Тебе неприятно это читать?

– А вам доставляет удовольствие задавать мне дурацкие вопросы?

– Извини. Теперь ты выяснила, когда состоятся похороны?

– Да. Завтра в двенадцать.

– Значит, до этого часа ты можешь отдыхать. У тебе есть еще какие-нибудь дела?

– У меня нет денег.

– Тебе нужно по магазинам? Я в твоём распоряжении.

– Зачем вам тратить на меня деньги? На что вы рассчитываете?

– На все. – Он смотрел на нее спокойным взглядом, и Изабелла почувствовала, что краснеет. Она недооценила этого человека.

– Я не буду спать с вами.

– Ну и не надо. Мне будет достаточно твоего присутствия в моем доме. Мы будем вместе завтракать, обедать и ужинать...

– Вы хотите сделать из меня домработницу?

– Нет, Боже упаси, у меня есть женщина, которая ведет хозяйство. Мне будет ПРИЯТНО видеть тебя здесь каждый

день, вот и все. Конечно, мне бы хотелось большего, но об этом пока говорить преждевременно.

– Это всегда будет преждевременно.

– Пусть и так. Я понимаю тебя, ведь ты любила Лермана.

В машине она размышляла о том, что же такого увидел в ней Григорий тогда, в интернате. Что нашел в ней Макс, она узнала только спустя месяц после их первой встречи. «Я понял, что ты – моя. И все». Так сказал Макс. А что скажет Г.А.?

– Григорий Александрович, почему в Томилине вы обратили внимание именно на меня?

– Я – прежде всего эстет. Ты красива. У тебя необычной формы глаза, лицо, да и все тело. Думаю, что твой Максим говорил тебе это не раз.

– Говорил. Но только мои глаза ничего ТАКОГО во мне не видят.

– Для этого нужны мужские глаза.

– У меня маленькая грудь. – Она пыталась отвлечься от невеселых мыслей.

– Она станет больше...

– Откуда вам знать?

– Чувствую. Ты очень сексуальна, Белла.

– Макс звал меня Зу-Зу.

– Очень мило, но я не смогу звать тебя так. И ты сама, наверное, не позволишь?

– Да.

– Я тебя немного отвлек?

– Не знаю. У меня в голове каша. Я не знаю, когда смогу нормально реагировать на окружающее. Я даже не уверена, что смогу выбрать себе одежду. Мне кажется, что я – это не я.

Они вошли в магазин, и Белла под пристальным наблюдением Григория Александровича принялась прогуливаться между кронштейнами с платьями, блузками, костюмами, юбками, брюками и бельем. Это был хороший магазин, и раньше (ведь теперь жизнь Беллы будет разделяться роковым днем – 15 июля, – а потому очень часто в сознании будут звучать фразы: «до», «раньше», «после смерти Макса...») он нравился ей богатым выбором вещей светлых тонов. Обыватели (так, во всяком случае, называл большую часть людей Макс, а Зу-Зу впитывала это как губка) почему-то предпочитали темную одежду: это практично и не бросается в глаза. Зу-Зу же бросалась в глаза всегда, а потому ей было не привыкать, когда на нее оборачивались или даже показывали пальцем. Но если в интернате действительно было удобнее носить темные вещи, то после встречи с Максом Зу-Зу открыла для себя всю радугу цветов. Оказывается, ей очень шел желтый цвет, все оттенки розового и зеленого, голубые, кремовые, красные и белые цвета. Но теперь, когда Макса не стало, Белла стояла в растерянности рядом со своим любимым кронштейном и не знала, какую же юбку ей выбрать, какие брюки примерить... Словно все то, что радовало ее

совсем недавно, потеряло теперь всякий смысл.

– У тебя проблемы с цветом? – спросил Григорий Александрович.

– А вы откуда знаете? – удивилась она, равнодушно взирая на роскошный черный костюм из богатой бархатистой ткани-стрейч с атласным воротником, украшенным стразами.

– Просто я, как мне кажется, начинаю понимать тебя. Ты хочешь купить этот черный костюм?

– Хочу, но он очень дорогой. Еще я присмотрела ярко-красный свитер, черные узкие брюки, несколько трикотажных кофточек и два комплекта итальянского белья. И это не считая туфель без каблука из кремовой замши и черных, классических. Ну как, вы уже раздумали принимать во мне участие?

– Нет. Более того, я надеюсь, что мы еще не раз заглянем сюда, чтобы выбрать тебе что-нибудь желтое или белое. А если ты настолько придишься в себя, что сможешь вновь почувствовать вкус к жизни, то мы поедем с тобой в Москву, я знаю несколько мест, где ты сможешь выбрать все, что душе твоей угодно, из каталога и получить это в течение трех дней.

– Я знаю эти места. – Она слабо улыбнулась. – Но все равно спасибо. Если вы согласны оплатить мои расходы, то подождите тогда немного в стороне, мне надо прикупить разные женские штучки, немного косметики и черную газовую косынку. Вы не забыли, что завтра я иду на похороны Мака...

– Тебя узнают, Белла.

– Мы подъедем к могиле прямо на машине, и я понаблюдаю за всей церемонией, не выходя из нее... Если получится, конечно... А вы будете рядом...

– Боюсь, что не получится. Ты – эмоциональный человек, ты захочешь выйти, чтобы проститься с ним...

– Может, и так, но все равно... – Она пожала плечами и не спеша направилась в сторону парфюмерного отдела, остановилась на полпути, вопросительно заглянула в глаза своему благодетелю, но потом, очевидно, передумав, вновь продолжила свой путь.

– Ты хотела меня спросить, можешь ли ты купить духи? – поинтересовался Григорий Александрович уже в машине.

– Да, все правильно. Но во всем надо знать меру. Так говорила наша воспитательница в интернате. Которая, кстати, ни в чем не знала меры: она много ела, пила, курила и спала. А еще она ругалась, как портовый грузчик.

– А как с чувством меры у тебя?

– По обстоятельствам. Я ограничилась туалетной водой, она стоила всего сто долларов. А теперь поедemте скорее, мне не терпится снять с себя чужую одежду, вымыться и одеться во все это. – Она положила ладонь на лежащий у нее на коленях большой пакет. – Вы правы, эта поездка немного привела меня в чувство.

– Я рад.

Глава 4

19 июля

В половине первого они подъехали на машине к воротам кладбища. И, как оказалось, вовремя. Провожающие в последний путь Макса Лермана и его супругу Изабеллу высыпали из микроавтобусов и столпились возле большой могилы, куда Марк Фишер и Давид Парсамян с помощью еще нескольких мужчин несли два больших полированных деревянных гроба с массивными витыми ручками.

– В одном из них, должно быть, лежу я.

– Не надо говорить об этом. Постарайся абстрагироваться от происходящего. В конце концов, вполне могло случиться, что в момент взрыва рядом с машиной, куда намеревался сесть твой муж, находилась какая-нибудь женщина. Я слышал, что пожар был сильный, поэтому неудивительно, что на месте взрыва нашли женские останки. И если ты не хочешь объявляться – это твое личное дело. Ты наверняка начиталась бульварной литературы, и теперь, по законам жанра, ты будешь мстить. Это понятно.

– А вы мерзавец. – Она повернулась и больно ущипнула сидящего по левую сторону от нее Григория Александрови-

ча за руку. Он даже ахнул.

– Перестань хулиганить. И вообще, ты – сейчас, во всяком случае, – должна вести себя подобающим моменту образом: сидеть смирно и проникаться всеми соответствующими чувствами...

– Вы циник. Я не вижу Макса, и мне трудно представить себе, что в одном из этих шикарных ящиков действительно лежит Макс. Я должна выйти из машины и заглянуть в окошко. Там же есть прозрачное окно? Скажите, есть? Давайте подъедем поближе, встанем в сторонке, но так, чтобы я могла хоть что-нибудь увидеть... Вы не ответили, там есть окошко?

– Есть, конечно. Но не советую тебе смотреть на пригоршню обгоревших костей. Это неэстетично. Даже если кости покоятся на белом атласе. Пусть Макс останется в твоей памяти красивым молодым человеком, таким, каким он выглядел на вечеринке в «Европе».

– Согласна. Но если я захочу выйти, не останавливайте меня...

Они подъехали поближе, и, конечно же, появление черного «Мерседеса» рядом с процессией не могло не обратить на себя внимание. На них оборачивались, но за тонированными стеклами все равно никто ничего бы не увидел.

– Стоит тебе сейчас выйти, как у тебя начнутся сложности, я просто предупреждаю.

– Вы хотите сказать, что меня попробуют убить, чтобы

уничтожить последнего представителя семьи Лерманов?

– Ты еврейка?

– Я – интернатка. Это моя настоящая национальность. Вы можете мне не поверить, но и Макс тоже из детдома. Просто он был очень красивым мальчиком, и его взяла на воспитание одна еврейская семья из Львова.

– Как ты думаешь, кто-нибудь сообщил родителям о его смерти?

– Не думаю. У них нет адреса. К тому же Марк и Давид неспособны на такие подвиги. Они слишком занятые люди, чтобы заниматься подобными мелочами. Я ненавижу их.

– И как давно?

– Что?

– Как давно ты их ненавидишь? Ведь еще совсем недавно ты была с ними дружна...

– А я отвечу. Причем довольно конкретно. С 15 июля.

– Понятно.

Гробы поднесли к могиле, Марк, высокий полноватый мужчина, принялся что-то говорить.

– Я ничего не слышу, – простонала Зу-Зу. – А ведь он говорит о том, какими мы были хорошими. Какая же мерзость – притащиться на собственные похороны! Поедем отсюда.

Но в последний момент она вдруг больно ухватила Григория Александровича за все ту же руку, которую недавно щипала, и, почти прижав лицо к прозрачному тонированному стеклу, устремила взгляд покрасневших от слез глаз в про-

странство.

– Что ты там увидела?

– Тсс... – Она махнула рукой, что означало: не мешайте мне, и сощурила глаза, пытаясь, очевидно, разглядеть кого-то в толпе. – Мне кажется, что я схожу с ума. Вы не поверите, но я только что видела Макса. Правда, он был постаревший лет на десять. Теперь, наверно, он будет мне мерещиться всюду. Бедный Макс... А ведь мы с ним решили сбежать с этого чертова дня рождения, чтобы просто побыть вдвоем...

Она отняла лицо от стекла, и Григорий Александрович увидел, что глаза ее полны слез.

– Ты бы поплакала по-настоящему. Иди ко мне... – Он обнял ее, прижал к себе, и ему стало легче, когда он почувствовал, как рыдания, которые она сдерживала с самого раннего утра, как только поднялась и начала готовиться к похоронам, прорвались наружу. Плечи Беллы вздрагивали, тело сотрясалось, а из горла ее вырывались глухие надсадные стоны со всхлипами. Она должна была давно дать волю своим чувствам.

Он гладил ее по голове и целовал в теплые, душистые волосы:

– Плачь, плачь...

И вдруг она резко подняла голову:

– А где же музыка? Почему никто не позаботился об оркестре? Неужели денег не нашлось? Мерзавцы! Ведь Макс

так много для них сделал! Негодяи...

Она рвалась наружу, а он ее не пускал. Успокаивал как мог.

Более того, ему пришлось завести машину, чтобы отъехать немного подальше, чтобы крики и ругань Беллы не слышали присутствующие на похоронах люди.

– Взгляните вон на ту даму в черной шляпе с широкими полями и под вуалью, как в кино... Это не кто иная, как Вера Фишер. Мы дружили семьями. Ее муж Марк и Макс просто души друг в друге не чаяли. Но он оказался таким жмотом! Не пригласить музыкантов! А ведь мог бы нанять самых задрипанных трубачей из музыкального училища, ему бы это обошлось всего в пятьсот тысяч! Ненавижу... У Веры одна шляпка стоит нескольких таких оркестров... А я уверена, что, умри Марк, Макс бы отгрохал ему такие похороны... Он бы и гроб ему из хрусталя заказал... И симфонический оркестр с шопеновским маршем, все как положено... Негодяи...

– Откуда у Макса такие деньги?

– Он был хорошим адвокатом.

– Я бы не хотел, чтобы ты чрезмерно идеализировала своего Макса. У меня много знакомых адвокатов, но ни один из них не был в состоянии купить себе квартиру в том доме, в котором жили вы... Это очень дорогая квартира...

– Правильно. У Макса были связи. Это и ребенку ясно. Кроме того, существуют какие-то люди, которые работают с

ЕГО акциями...

– Ты видела этих людей?

– Нет, конечно. Хотя Борисов их наверняка знает.

– Борисов, это друг Макса, на даче которого ты провела ТУ ночь?

– Да. Игорь как-то связан с теми людьми. Их любимые слова «биржа» и «прибыля...». Именно не прибыли, а прибыль...

– Я понял. Ну что, ты немного успокоилась? Посмотри, гробы опускают в землю.

– Может, мне все же выйти из машины и кинуть в могилу горсть земли?

– Мы можем вернуться сюда вечером, и ты по-настоящему, по-своему простишься с Максом.

– Хорошо. Тогда поедемте отсюда... Или нет, подождите...

Машина стояла на достаточно большом расстоянии от могилы, но Белла, приоткрыв немного окно, все же прошептала, обращаясь в сторону процессии:

– Макс, прощай.

* * *

Обедать она отказалась. Лежала на диване с мокрой повязкой на голове и смотрела на потолок.

– Я не понимаю, у вас что, нет никаких дел? Вы что, пен-

сионер?

– Нет. Но я могу себе позволить побыть дома рядом с тобой, поскольку знаю, что есть люди, которые хорошо справятся с моей работой...

– Чем вы занимаетесь? У вас прекрасная квартира, машина, деньги... Вы случайно не мафиози?

– Как это ты догадалась?

– Я пошутила. Так кто вы на самом деле?

– У меня газ.

– Понятно. Газ – это деньги. Так говорил Макс.

– Он правильно говорил. Что ты намерена предпринять в ближайшее время?

– Оплакивать горячо любимого мужа. Я не знаю, если честно, с чего начать... Дело в том, что, пока я не встретила вас, у меня был разработан план. Не Бог весть какой, но все же план. И заключался он в том, чтобы нагрянуть в адвокатскую контору «Алиби», которую возглавлял Макс, и забрать из его сейфа документы... Понимаете, все дело в его клиентах, как мне кажется. Вера говорила кому-то на вечеринке (а я невольно подслушала), что он не выполнил какие-то обязательства перед кем-то... Видите, какая простая схема. Якобы не передал взятку судье, и та (или тот) вкатили кому-то срок, а то и вовсе приговорили к вышке. Насчет срока и вышки это я додумала сама, но насчет невыполненных обязательств – я слышала. Поэтому вполне логично было бы составить список его клиентов, проанализировать, с кем из

них Макс (по словам Веры) обошелся несправедливо и кто, соответственно, мог его наказать таким страшным образом. Кроме того, мне просто необходимо найти человека, который имел бы доступ к информации по делу Макса... Ведь в прокуратуре наверняка заведено уголовное дело в отношении убийства... Сейчас экспертиза работает над остатками взрывчатки, анализирует, словом, все как положено...

– Я не уверен в этом...

– Это еще почему?

– Я не хотел тебе говорить, но, по слухам, твой муж работал на губернатора Володарского... Тебе об этом что-нибудь известно?

– Макс работал на Петра Филипповича? Я впервые об этом слышу.

– Якобы твой муж помогал ему переправлять деньги в Швейцарию.

– Это было бы прекрасно. Во всяком случае, это многое бы объясняло. Деньги, например...

– Вот ты и начинаешь просыпаться.

– Вы хотите сказать, что это сам Володарский помог Макс-у отправиться на тот свет? Потому что тот слишком много знал?

– Может быть, и так. Это все слухи. И мне понадобится много времени, чтобы проверить их.

– Слишком уж просто. Проще даже, чем месть клиента.

– Все крупные преступления весьма просты в своем прин-

ципе. Ведь речь идет об огромных суммах, а это может быть связано либо с такими аферами, как губернаторские, либо с бриллиантами или золотом, либо с антиквариатом (но это слишком хлопотно), либо...

— ... знаю, с наркотиками.

— Правильно.

— А как же сильные чувства, такие, как страх, ревность, месть?..

— Про месть мы уже говорили. Ему могли действительно отомстить клиенты, которым он пообещал, предположим, свободу, но сам своих обязательств не выполнил, а человека посадили в тюрьму или же дали ему большой срок. Вместо обещанного маленького. Что касается страха... то здесь надо подумать. И если говорить о ревности, то речь, очевидно, идет о тебе самой? Это не ты, случаем, заложила бомбу в машину, а потом отправила туда Макса?

— Нет, это не я. Даже если бы я узнала о том, что он изменяет мне, я все равно не стала бы убивать его. Таких, как Макс, — единицы.

— Что ты имеешь в виду?

— Все.

— Ты себя нормально чувствуешь?

— Не знаю. Мне как будто бы хочется спать, но почему-то не засыпаю. Кстати, я вспомнила, что забыла купить пижаму.

Григорий Александрович встал с дивана, на котором сидел рядом с Беллой, отошел чуть в сторону и залюбовался.

Она сложила почти пополам, поджав ноги и едва не касаясь острыми коленками подбородка. Волосы ее слегка растрепались и влажными завитками прилипли к виску. Кончик маленького аккуратного носа порозовел, а под глазами цвета изумрудов залегли сиреневые круги. Она была так нежна, так беззащитна, что он едва сдерживался, чтобы не вернуться к ней.

– Ой, вот только не надо смотреть на меня так!.. Вы прямо раздеваете меня своими бесстыжими глазами. – Но она говорила это не зло, а скорее иронично и даже как-то по-доброму, словно мягко журила его за вспыхнувшие в нем желания. – Сколько вам лет?

– Сорок пять. Много?

– Если честно, то я совершенно не умею определять возраст мужчин. Но когда я увидела вас впервые, то подумала, что вы годитесь мне в дедушки.

– В отцы, это еще понятно, но в дедушки... неужели я так старо выгляжу?

– Нет, конечно.

В этот момент в дверь позвонили.

– Кто это? – Белла испуганно посмотрела в сторону прихожей. – Вы ведь никому не говорили про меня?

– Успокойся. Это ко мне.

– Женщина, которая убирает у вас?

– Нет, это, наверно, Руфь.

– Руфь? Какое странное имя.

– Ничего странного. Лежи спокойно и ни на что не обращай внимания. Просто я совершенно забыл, что она должна ко мне прийти...

– Она ваша подруга?

– Любовница, если быть точнее.

– Она замужем?

Звонок повторился.

– Да, разумеется...

Она собиралась сказать ему что-то еще, но он, извиняясь взглядом и разводя руками, пошел открывать.

Руфь – невысокая, рыженькая, в пестром шелковом широком платье, залетев в гостиную и увидев Беллу, лежащую на диване, отпрянула назад и сразу же оказалась в объятиях Григория Александровича.

– Успокойся, Руфиночка, это моя племянница, приехала погостить и узнать насчет поступления в университет.

Белла, прикрытая большим пледом, еще глубже зарылась в него и замерла, незаметно наблюдая за Руфиной.

– Ну что, пойдем? – мягко проговорил Григорий Александрович, уводя гостью в прихожую, и Белла услышала, как за ними захлопнулась дверь спальни.

А что бы она хотела? Чтобы он жил в заточении лишь потому, что в его квартире прячется полусумасшедшая девица, которая считается умершей и которая заранее объявила о том, что не намерена спать с ним? Это же глупо. Но и поступать так, как поступил сейчас Григорий Александрович,

тоже было не менее глупо. Как вообще можно заниматься такими делами, когда в квартире находится посторонний человек?

Макс говорил, что мужчины устроены иначе, чем женщины. Он мог заниматься этим при каких угодно обстоятельствах. Но то был Макс, ему было всего лишь тридцать семь, а Григорию Александровичу сорок пять.

Зу-Зу попыталась представить себе, как выглядит ее благодетель в раздетом виде, и решила, что, пожалуй, очень даже ничего... Она могла, конечно, ошибаться, но у него, по ее представлению, было стройное, хотя и немного суховатое тело, впалый живот и наверняка покрытая курчавой серебристо-черной шерстью грудь. Как на голове. А тон кожи – смугловатый.

Она тряхнула головой, отгоняя от себя непотребные мысли. «Макс, я просто постаралась быть объективной».

Она уснула. А когда проснулась, часы на стене показывали уже половину восьмого вечера. Она услышала голоса, раздававшиеся со стороны прихожей.

Зу-Зу встала, вышла из гостиной, прошла несколько шагов и остановилась перед дверью спальни. Она разозлилась на то, что люди, которые сейчас там разговаривали, даже не потрудились прикрыть за собой дверь. И, конечно же, она заглянула туда.

Она увидела кровать, а на ней голую Руфину, которая о чем-то увлеченно рассказывала Григорию Александровичу,

который был в синем длинном халате, полностью скрывающем его тело. Однако, слушая женщину, он машинально водил рукой по ее животу, доставляя ей, наверно, неслыханное удовольствие.

Зу-Зу вернулась в гостиную и снова легла на диван. Ей было стыдно признаться в том, что именно сейчас, когда она выспалась, ей вдруг захотелось оказаться на месте этой рыжей кошки – Руфины. И пусть это будет даже с сорокапятилетним Гришей.

Потом раздался звук захлопывающейся двери: ОНА ушла.

– Извини. – Григорий Александрович в домашних брюках и черной рубашке навыпуск показался в проеме двери. Он выглядел немного усталым и виновато улыбался. – Но ведь ты спала?

– Да, я спала. Сначала. А потом проснулась и захотела вернуться к Борисову на дачу. У вас своя жизнь, а у меня своя. Я не могу так.

– Как?

– Будто вы ничего не понимаете. Разве можно заниматься такими вещами в присутствии чужого человека?

– Но ведь мы были в другой комнате, к тому же ты спала... Я не понимаю твои претензии.

– Это ваше право. Но у меня свое мнение на этот счет.

– Она соскучилась и прибежала ко мне. Не мог же я отказать ей...

– Как у вас, у мужчин, все просто...

– Мы можем заняться делом.

– Каким еще делом? – Она почувствовала, как по спине ее пробежали мурашки. Она вспомнила мужскую руку, поглаживающую живот женщины...

– Составить план дальнейших действий.

– Отлично. Тогда пишите.

– Ты уже все решила?

– Да. Я раздумала идти в «Алиби». Я и так знаю практически всех клиентов Макса. Берите ручку и записывайте. Клиент номер один: Родион Исханов – директор кондитерской фабрики.

– Мы будем соблюдать хронологию?

– Нет, с этим ничего не получится. Я знаю, что он обратился к Максиму недавно, причем с каким-то совершенно мелким вопросом. Речь шла о превышении полномочий его зама, фамилию которого я не знаю. Якобы он, этот зам, за спиной своего шефа, Исханова, продавал в соседний магазин и находящуюся неподалеку от фабрики пекарню сливочное масло, арахис и ваниль. А деньги, понятное дело, прикармливал. Написали?

– Разумеется.

– Номер два: Снегин, инициалов не знаю. Директор химического комбината. Приходил его сын, Снегин-младший, просил Макса помочь изменить отцу меру пресечения и вернуть его до суда домой. Его отец обвиняется во взятке.

– Он взял или дал?

– Одну взял, другую дал. Нити ведут в администрацию. Им нужна была «галочка», это как-то связано с чисткой рядов... Понимаете, Снегин оказался крайним...

– Понятно: показательное выступление прокуратуры под грифом «Борьба с коррупцией».

– Совершенно верно. Я вижу, несколько часов, проведенных с этой рыжей, пошли вам на пользу...

– Не хами.

– Хорошо, не буду. Третий номер: Инга Сосновская. Стерва. Взяла из нашего Томилинского интерната двенадцатилетнюю девочку на воспитание. И, что самое удивительное, взяла совершенно спокойно, без проволочек, и это при том, что она: а) не замужем; б) у нее уже есть один внебрачный ребенок, мальчик шести лет; в) она живет в однокомнатной квартире; г) к тому же является безработной. Как, скажите, ей могли отдать девочку?

– Ты хочешь сказать, что она ее удочерила?

– Именно. Она наняла Макса, чтобы он помог ей избежать тюрьмы: как выяснилось, эта Инга Сосновская в течение трех месяцев избивала девочку, держала ее впроголодь, запирала на целый день в ванной комнате или вообще привязывала на балконе... Девочка сбежала от Сосновской и вернулась в интернат. Она была в ужасном состоянии: у нее к тому времени уже было двустороннее воспаление легких, многочисленные ушибы и ссадины, следы побоев и к тому

же еще травмированные половые органы, включая прямую кишку... Ее явно насиловали.

– Это тебе рассказал Макс?

– А кто же еще?

– И он согласился защищать Ингу?

– Он адвокат. Профессионал. Это его работа.

– Но какая-то чисто человеческая установка-то у него должна быть?

– Нет, он, как правило, просто констатировал факты.

– Понятно. Эта дама сейчас в тюрьме?

– Нет, конечно. Дома. Ее отпустили под залог.

– Кто следующий?

– Это вообще непонятная история. У Макса есть друг, сегодня вы его видели. Давид Парсамян. Так вот, его двоюродный брат обвиняется в изнасиловании несовершеннолетней. Давид просил Макса помочь изменить меру пресечения и отпустить Гарику под залог. Давид не верит в то, что его брат способен на такое. Макс обещал помочь.

– Он уже успел что-то предпринять?

– Да, он присутствовал на первом заседании суда и потребовал представить ему результаты психолого-психиатрической экспертизы потерпевшей... Дело в том, что там довольно запутанная история. Когда мы будем заниматься этим, я расскажу поподробнее... Эта потерпевшая села в машину к Гарику в десять вечера в конце октября и была не прочь прокатиться с ним за город... Вам это о чем-то говорит? Гарик

якобы изнасиловал ее. На следующее утро она обратилась к врачу, который и подтвердил факт изнасилования, но девочка была вся в засосах трехдневной давности... Кроме того, ее показания сильно отличаются друг от друга. А выглядит эта «потерпевшая» (я видела ее в коридоре суда, специально ездила, чтобы посмотреть ей в глаза, ну и из любопытства, конечно) как самая настоящая коровушка... Здоровенная девица, развитая не по годам, с похотливой мордахой...

– Суд был закрытый?

– Разумеется. Но я подслушивала от нечего делать.

– Кто еще?

– Некто Линеv. У него сын – наркоман. Мальчику пятнадцать лет, но это уже конченная личность. Я его тоже видела. Макс еще сказал тогда, что тот долго не протянет.

– А что нужно было этому Линеvu?

– Если честно, то он консультировался у Макса, что ему будет, если он... убьет собственного сына...

– Не может быть!

– Может. Еще и не такое может быть.

– И что же ему посоветовал Макс?

– Он сказал, что мальчик и сам скоро умрет...

– И что это за семья?

– Самое интересное, что семья положительная: отец, этот самый Линеv, преподает в университете, а мать – в техникуме. Да и мальчик-то был хорошим, пока не сел на иглу.

– Это все?

– Это все, что касается гражданских лиц. Еще у Макса постоянно были какие-то арбитражные суды, но ими я, как правило, не интересовалась. Судились организации: кто-то кому-то был должен крупные суммы денег. Кроме того, Макс занимался еще и делами по банкротству. Оформлял какие-то акты, искал управляющих, консультировал их...

– Тебя послушать, у Макса был широкий профиль.

– Да, это верно. Но он работал с невероятной легкостью. Он все схватывал на лету, у него была прекрасная память, да и с людьми он ладил... с любыми... Часто шел на компромиссы, лишь бы люди, которым по закону полагалось быть, предположим, выселенными из их же собственных квартир, в конечном итоге выигрывали дела...

– Ты соображаешь, что говоришь?

– Прекрасно соображаю. Сколько у него было дел о ломбардах, которые, незаконным образом взяв в залог квартиру (в уставе этих ломбардов черным по белому написано, что они могут брать в залог многое, но только не квартиры), дожидаются окончания срока, а потом скрываются от клиентов под разными предлогами, чтобы те просрочили свои платежи. Схема работала безотказно. Человек приходит в ломбард, чтобы выплатить оставшуюся сумму, а ломбард встречает его амбарными замками. Он просто-напросто ЗАКРЫТ. Человек приходит на следующий день. Снова все закрыто. Потом следуют, предположим, праздники, Рождество, Новый год и прочее, а время-то идет... И тут открыва-

ются двери ломбарда, и на этого человека подают в суд за неуплату долга. Человек берет деньги, которые он приготовил для выплаты долга, и несет их адвокату. Начинаются суды: первый, второй... Жалобы... Заявления... В конечном результате людей просто выселяют на улицу. Причем, как правило, речь идет о квартирах, расположенных в центральной части города, которые котируются на риэлторском рынке...

– Белла, ты ли это?

– А в чем, собственно, дело?

– Никогда бы не подумал, что ты способна так уверенно рассуждать на подобные темы.

– Мы с Максом довольно часто разбирали его дела... Мне это нравилось...

– Он хотел, чтобы ты поступила в Академию права?

– Нет. Макс хотел, чтобы у нас были дети. Вот и все. Он говорил, что достаточно того, что его почти не бывает дома, а тех денег, которые он зарабатывал, нам хватило бы на содержание большой семьи... Он хотел иметь МНОГО детей.

– Ты случайно не беременна?

– Нет. У нас все шло по плану. Сначала он собирался показать мне мир. У нас даже были разработаны маршруты. Он заказал для нас пластиковые карточки, чтобы мы пользовались ими в Европе... У нас было очень много планов.

– А про Володарского он ничего не говорил?

– Жить в губернском городе и не говорить о губернаторе,

да к тому же еще когда ты адвокат, невозможно. Говорил, конечно.

– С симпатией?

– В общем, да.

– А политикой Макс не увлекался?

– Нет. Хотя и понимал, что это нужная штука.

– Он не собирался баллотироваться в депутаты городской думы или Государственной?..

– Нет. Он говорил, что один в поле не воин.

– А у него были еще друзья, кроме Давида и Марка?

– Были приятели. Но не друзья. Самым первым его другом была я.

– Я так и думал. Тогда на вот, взгляни на список.

Белла взяла в руки листок: «1. Исханов Родион. 2. Снегин-старший, Снегин-младший. 3. Сосновская Инга. 4. Парсамян Гарик, Давид. 5. Линева, сын наркомана. 6. Арбитражные суды. 7. Дела по банкротству. 8. Володарский (?)».

– Все правильно. Вот, следуя этому списку, мне и предстоит двигаться.

– Но как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Частное расследование.

– Ты будешь нанимать частного детектива?

– Пока нет, а там видно будет. Но, как мне кажется, всю интересующую меня информацию можно собирать и неофициальным способом. Втереться в доверие, разнюхать, это же так просто.

– Это все понятно, конечно, но с твоей яркой и характерной внешностью, боюсь, у тебя ничего не получится. Люди, которые обращались к твоему мужу, могли видеть рядом с ним и тебя. Тем более что ты сама только что рассказывала, как присутствовала в судебных коридорах, да и на заседаниях, так?

– Да, вы правы. Но ведь я не могу сидеть без дела.

– Ты определилась, что тебе вообще надо?

– В смысле?

– Ты хочешь отомстить, или тебе нужно просто вернуть то, что у тебя отобрали: квартиру, доброе имя Макса, дачу, деньги, твое имя, наконец?..

– Да, мне нужно все: и отомстить за НАШУ смерть, и все вернуть. Но еще... Я не знаю, поймете вы меня или нет, но мне просто необходимо знать, КТО БЫЛ СПОСОБЕН НА ЭТО?! Как же нужно было ненавидеть Макса, чтобы взорвать его в собственной машине? Кому он помешал? Кому встал поперек дороги? И почему убийца (или убийцы) не ограничился гибелью одного Макса?

– Белла, а тебе не приходило в голову, что кто-то хотел убрать именно тебя?

– МЕНЯ? Вам, наверное, ударило кое-что в голову... Не хочется уточнять, что именно. Кому я нужна? Что я из себя такого представляю, чтобы кто-то хотел моей смерти?

– А не было ли в твоей жизни мужчины, которому ты отказала?

– Были. Целая пачка. Ну и что с того?

– Это Марк?

– Да, и Марк, и Давид, и еще куча мужиков. Если бы не сгорела моя квартира, я бы показала вам письма, которыми забросали меня поклонники... За мной и в интернате ухаживали преподаватели-мужчины, но тогда я была еще девчонкой... А Макс одевал меня, как куклу. Трудно пройти мимо килограмма золота и роскошных норковых манто, которых у меня было целых пять! Я лично именно этим объясняю патологическую тягу ко мне мужчин. Я не удивилась бы, если бы узнала, что они и в карты играли на меня...

– Как это?

– Как в казино или на скачках... Спорили, кто из них скорее приручит меня... Макс знал об этом и, как мне казалось, нервничал из-за этого, хотя, безусловно, ему это льстило...

– Белла, ты рассуждаешь как настоящая женщина. Ты просто уникам.

– Прекратите. Я обычная избалованная особа, которая, может быть, в отличие от других знает, что ей нужно от жизни. Но эта формулировка относится скорее к моему прошлому, нежели настоящему. Ведь теперь я живу за ваш счет. Я завишу от вас. Я должна вас бояться. Кстати, на борисовской даче до сих пор находится красный «Фольксваген», который я угнала позавчера. Как бы его вернуть владельцу?

– Мы с тобой можем поехать туда ночью и вывести машину на трассу. Там ее быстро найдут.

– Правильно. Так и сделаем.

Глава 5

Из «Садов» возвращались в полночь на машине Пасечника. Красный «Фольксваген», в котором Белла старательно протерла все ручки и предметы, до которых дотрагивалась, остался ночевать на пустынном шоссе.

– Спасибо. Если бы не вы, не знаю, что бы я делала...

– А что, разве в машине, кроме газового баллончика и денег, ничего не было?

– Была еще папка с документами, но я спрятала ее на даче у Игоря.

– А почему ты не захотела положить ее в машину, чтобы вернуть хозяину?

– Не знаю. Наверное, потому, что мне он не понравился.

– Чем же?

Они мчались в город, оставляя за собой оранжевые от ночных фонарей улицы с мигающими желтым глазом светофорами. Григорий Александрович казался задумчивым.

– Чем-чем?.. Терпеть не могу щучью икру.

– Но при чем здесь щучья икра?

– Ни при чем. Как-нибудь потом верну ему документы. Ведь в них наверняка есть его фамилия или адрес. Как вы не понимаете, что я просто ЗАБЫЛА об этой папке.

– А у человека могут быть неприятности из-за нее... Вернее, из-за ее пропажи.

– Не будет в следующий раз оставлять машину открытой.
– Логично. Железно. И жестоко.
– Не надо меня воспитывать. И вообще, куда мы едем?
– У меня дела в городе...
– Мы свернули к аэропорту, зачем это?
– Так надо. Хочу показать тебе город.
– Вы имеете в виду кафе «Панорама»?
– Именно. Подышим свежим ночным воздухом, там развели чудесный розарий, ты немного успокоишься, а потом мы вернемся домой. Идет?

Она пожала плечами.

Кафе, конечно же, было закрыто. Но аэропорт, который находился на высоком холме, сверкал своими огнями, гудел самолетными двигателями и манил куда-нибудь улететь... Площадка летнего кафе находилась над самым обрывом, с которого открывался вид на весь город. Тысячи танцующих огней мерцали где-то внизу и казались отражением звездного летнего неба.

Они встали возле мраморного парапета, Григорий Александрович закурил. В это время откуда-то слева показалась машина. Она притормозила, мужчина, которого Белла не видела, попросил огня. Григорий Александрович подошел к машине, достал зажигалку, и вдруг Белла кинулась к нему, схватила за рукав и оттянула в сторону.

– Проезжайте! – крикнула она срывающимся голосом, обращаясь к незнакомцу в машине. – У нас нет огня. Оставьте

нас в покое...

Машина, фыркнув, рванула с места и скрылась за поворотом у здания аэровокзала.

– Что с тобой? – спросил, недоумевая, Григорий Александрович. – У тебя проблемы?

– Как вы не боитесь? Ведь ночь... А что, если эти люди были по МОЮ душу?

– У тебя развивается паранойя.

– Возможно. Но больше я с вами по ночам гулять не буду. Вы только взгляните вниз! Это же обрыв в сотни метров! И ничего не стоит скинуть туда меня...

– Я вижу, ты переволновалась, а я, осел, вместо того, чтобы успокоить тебя, заставил только переживать... Ты простишь меня?

– Прощу, если мы немедленно вернемся домой. И вы обещаете больше не возить меня по ночам куда бы то ни было. Вы же не хотите, чтобы я боялась и вас... Посмотрите, я вся дрожу...

Она направилась в сторону их машины, как вдруг остановилась. Принюхалась.

– Скажите, это от вас пахнет одеколоном «Janni Armani»?

– Нет... Я предпочитаю английские ароматы.

– Странно. Но я явственно почувствовала этот запах.

– Возможно, кто-нибудь из сегодняшних посетителей кафе воспользовался этим одеколоном... Мало ли что...

– Да, действительно... Ну что, поехали?

Они сели в машину и медленно покатали с холма в город.

– Ты не проголодалась? – спросил Григорий Александрович, взглянув на притихшую рядом с ним Беллу.

– Проголодалась.

– Аппетит – это признак душевного здоровья.

– Нет, это неправда... Просто у некоторых людей аппетит возникает помимо сознания. Это физиологическое явление. Мой мозг никак не связан с тем салатом, который приготовила сегодня ваша домработница... Кстати, она что, ходит в шапке-невидимке? Я чувствую, что она была сегодня в квартире, видела какие-то пирожки, салат, кастрюльку с тушеным мясом, но саму женщину не заметила...

– Просто она живет по соседству, я звоню ей и говорю, когда прийти... Ну, если ты так проголодалась, тогда нам, быть может, стоит увеличить скорость?

* * *

За ужином говорили только о деле.

– Нам нужен человек из органов, иначе у нас с тобой ничего не получится. Где мы сможем раздобыть всю информацию? – говорил Григорий Александрович, накладывая на тарелку Беллы самые аппетитные куски индейки.

– Но ведь вы и сами намекали, что у вас большие связи.

– Правильно, но этого недостаточно, можешь мне поверить.

– Я имею в виду совсем другие связи... Найдите человека из органов, лучше всего из прокуратуры...

– Наконец-то... Вот это я и хотел услышать. Значит, ты не будешь возражать, если я приглашу сюда человека, которому ты сможешь довериться и поставить перед ним конкретные задачи.

– Вы так туманно говорите. Кто я такая, чтобы ставить перед прокурорским работником какие-то задачи? Я могу лишь попросить его об одолжении...

– Понятно, просто я не так выразился.

– И у вас уже есть кто-нибудь на примете?

– Да. Некто по фамилии Савельев. Я знаком с ним больше двадцати лет.

– Что он из себя представляет?

– Он мой друг.

– Только не говорите, что это именно он занимается сейчас убийством Макса... Я в это не поверю.

– И правильно сделаешь. Это было бы невероятно, неправдоподобно, нереально, наконец.

– Вот именно. Вы мне только скажите: ему можно довериться? Ему можно открыться, или он, узнав, кто перед ним, ради того, чтоб выслужиться перед своим начальством, выдаст меня с потрохами? Ведь я, как это ни странно, просто нафарширована информацией, которая, вполне возможно, может помочь найти убийцу Макса. И они там, в прокуратуре, должны это понимать. Кроме того – сенсация: я жива!

Не проболтается ли ваш драгоценный Савельев о моем существовании журналистам?

– Нет, конечно. Если бы он был способен на такие мерзости, я бы и не говорил о нем. Савельев – вполне порядочный и надежный человек.

– Но ведь он на службе... А работает он, как я поняла, в прокуратуре?..

– Да, он следователь.

– Отлично. Так вот, каким образом вы сможете его заинтересовать моей персоной, и с какой стати он будет взваливать на свои плечи всю тяжесть моих проблем? Он что, патологический альтруист?

– Может, и так.

– Я вам не верю. Что-то здесь не так. Да и вообще, странно все это...

– Ты о чем?

– Как о чем? О якобы случайной встрече с вами, а теперь еще и потенциальном друге – следователе прокуратуры, который, судя по вашим словам, ни с того ни с сего станет мне помогать. Я не блаженная какая, почему я должна вам верить? А что, если вы, такой хороший Григорий Александрович, как раз и являетесь убийцей Макса? Вы подстраиваете нашу с вами встречу (это элементарно, если бы мне понадобилось устроить подобное, то я бы сделала это еще более виртуозно, но это я так, к слову), приближаете меня к себе, покупаете мне платья и туфли, предоставляете кров и еду, и

все это затем, чтобы побольше узнать о Максе и его делах...

– Но зачем мне это?

– Макс мог знать что-то такое, что могло бы скомпрометировать вас или ваших близких, и вам теперь важно узнать, поделился он с кем-нибудь этой информацией или нет... Да Бог ты мой, причин подружиться со мной ради своей же собственной безопасности – тысячи...

– Это все, разумеется, логично. Но только я никак не был связан с твоим мужем. Я не собираюсь клясться тебе кровью или доказывать что-то... Положись на свою интуицию. Больше мне нечего тебе сказать. Сейчас ты ляжешь спать, а утром сообщишь о своем решении: либо ты остаешься у меня и считаешь меня своим другом, и мы начинаем действовать в твоих интересах вместе с Савельевым, либо ты действуешь так, как подсказывает тебе сердце.

– Как высокопарно и сказочно! Утро вечера мудренее, скажете?

– Не знаю. Ты мне нравишься, Белла. И это, по-моему, единственная причина, по которой ты находишься здесь. Мне доставляет удовольствие смотреть на тебя. Мне очень жаль, что твое сердце отдано другому мужчине. Я бы мог сделать тебя счастливой.

– И где это только вас научили так говорить?.. Спасибо за ужин. Мне, кажется, действительно пора спать...

Он проводил ее до спальни, помог даже разобрать постель и, пожелав ей спокойной ночи, бесшумно вышел. Белла раз-

делась, забралась под одеяло и долго не могла уснуть, прислушиваясь к звукам в квартире. Она слышала, как Григорий Александрович с кем-то разговаривает по телефону. Она хотела встать, пройти на цыпочках к двери и попытаться подслушать, но сон, внезапно сковав ее движения, вмиг погрузил ее в сладчайшее забытие.

Ей снился ресторан «Европа», великое множество официантов (и все почему-то на одно лицо), какие-то негры, пьющие молоко из прозрачных высоких бокалов, а потом в сон ворвался пожар... И она закричала, увидев объятую пламенем «Мазду» и корчащегося рядом на земле Макса...

Но самое страшное заключалось в том, что она НЕ ЗНАЛА, что это сон. Она страдала по-настоящему. И слезы, которые залили ее щеки, когда она проснулась, были тоже настоящими. А в груди прыгало, не в силах уняться, маленькое перепуганное сердце.

Григорий Александрович стоял в дверях. В его взгляде она прочла боль.

– Успокойся, – он прошел и сел рядом с нею на постели, – это был только сон. Тебе надо отдохнуть. Если ты позволишь, я дам тебе немного снотворного.

– Нет! – вскрикнула она. – Я не верю вам, не верю никому...

Она сидела с округлившимися от ужаса глазами, лицо ее, мокрое от слез, побледнело, а трясущиеся губы продолжали бормотать: «Я не верю... Я не верю...»

– Да пойми ты наконец. У тебя нет другого выхода. Ты должна мне довериться. Иначе пропадешь. Изойдешь слезами, но ничего не добьешься. Тебе сейчас нужны силы. И если ты не возьмешь себя в руки, не осознаешь, что ты теперь ОДНА, без Макса, то очень скоро последуешь за ним в могилу. Ты бы посмотрела на себя в зеркало. Буквально за три дня ты превратилась в аморфное и слабое существо. Ты сейчас как никогда уязвима. И это после того, как ты сумела проявить себя совершенно с другой стороны. Я просто восхищаюсь тем, как ты угнала машину, как раздобыла денег, как выжила, наконец... Согласен, ты балансировала тогда между жизнью и смертью, но ведь ты же была другая. Совершенно другая...

Она достала из-под подушки большой носовой платок, шумно высморкалась и уставилась на Григория Александровича уже с интересом.

– Вы действительно полагаете, что мне под силу вернуться к нормальной жизни?

– Полагаю, что да. Просто тебе понадобится какое-то время, чтобы восстановить душевное равновесие... Абстрагируйся. Тебя же НЕТ. Ты же умерла. А девочка, которая сидит сейчас передо мной и сморкается в платок, – совершенно другой человек. Постарайся...

Она шумно вздохнула и снова легла. Повернулась к окну, положила руки под щеку и закрыла глаза.

– Если хочешь, я лягу с тобой. Ничего не будет. Просто я

обниму тебя и попытаюсь передать тебе тепло своего тела.

Она тотчас повернулась в его сторону. Увидев, как он снимает халат, Зу-Зу почувствовала, как кровь приливает к ее щекам. Да, он выглядел именно так, каким она себе его и представляла.

«Прости меня, Макс», – подумала она спустя некоторое время, чувствуя, как тело лежащего рядом мужчины прижимается к ней.

20 июля

Однако утром она была готова убить его: он сдержал свое слово – «ничего не было». И Зу-Зу приняла это как личное оскорбление. Ничего подобного ей в жизни еще не приходилось испытывать. Сначала она возбудилась, затем перевозбудилась, а к утру ее даже затошнило от переизбытка чувств. Но самое ужасное заключалось в том, что она знала, что Григорий Александрович понимает все, что с ней происходит. Она видела это по выражению его лица (оно носило легкий оттенок иронии в сочетании с нарочитой заботливостью) и готова была высказать ему все это вслух. Но не высказала. Побоялась.

На кухне, куда она пришла после часа, проведенного в ванной, она наконец-то увидела женщину, которая помогала Григорию Александровичу по хозяйству. Ей было за пятьдесят. Круглое добродушное лицо, круглое мягкое тело, круг-

лые глаза и круглые очки на носу. Немногословная и тихая, как и положено быть домработнице. Увидев Беллу, женщина тихонько выплыла из кухни, оставив на столе блюдо с горячими, аппетитно пахнущими оладьями и судок с жарким.

– Спасибо, Зина, – услышала Зу-Зу голос Григория Александровича и почувствовала, как впервые за последние дни к ней вернулся аппетит. Он присутствовал, конечно, и в тот вечер, когда она угнала машину и покупала продукты в магазине, но ТОТ аппетит носил чисто физиологический характер. Теперь же, в этой светлой и уютной кухне, заполненной чудесными ароматами жареного мяса и оладий, она поняла, что к ней вернулось прежнее желание получать удовольствие от вкусной еды. Ведь, если разобраться, у нее теперь оставалось в жизни не так уж и много удовольствий. Одного – это уж точно – ее лишил этой ночью мужчина, который пролежал с нею в постели абсолютно голый, обнимая ее, но, измучив ее ожиданием, так ничего и не предпринял. Ей не верилось, что он поступил с ней так лишь из уважения перед ее чувствами по отношению к ее погибшему мужу. «А с другой стороны, – вдруг подумала она, усаживаясь за стол и с головой погружаясь в размышления, – именно вчера я была на похоронах. Не кощунственно ли было бы отдаться в этот трагический день первому встречному мужчине?» Она изо всех сил хотела проникнуться к Григорию Александровичу уважением и оправдать его действия (а точнее, бездействие), но у нее так ничего и не получилось. Когда он вошел на кух-

ню, она сделала вид, что рассматривает сметану в вазочке.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

– Григорий Александрович... – начала она с пафосом, но почему-то замолчала.

– Мы же договаривались, что ты будешь звать меня просто Гришей или Григорием.

– Легко сказать...

– Так что ты надумала этой ночью?

«Сделать из тебя фарш», – подумала про себя Белла, но вслух произнесла:

– У меня, пожалуй, действительно нет другого выхода, как довериться вам. Но я также вспомнила, что Савельев, если мне не изменяет память, «важняк».

– Белла, ты не перестаешь меня удивлять! Ты даже знаешь, что такое «важняк»?!

– Не что, а кто... Это следователь областной прокуратуры, а зовут его, кажется, Николай... отчество забыла. Он как-то был у нас, заезжал, чтобы поговорить с Максом.

– Вот это память. А почему же ты не сказала мне об этом вчера?

– Не знаю, наверное, не вспомнила.

– Тем проще тебе будет общаться с ним. Надеюсь, у Макса не было с ним конфликтов?

– Кажется, нет. Но после разговора с Савельевым Макс не сказал мне ни слова, а это странно... Макс много чего мне рассказывал. Я уже знаю, что у вас вертится на языке: что,

мол, напрасно он все это делал, так?

– Приблизительно.

– Вот видите, я понимаю вас с полувзгляда.

– Да ты вообще талантливая девочка. Так мы звоним Коле Савельеву?

– Звоним, конечно. И вы могли бы сразу же попросить его разузнать все, что возможно, о Родионе Исханове?

– Думаю, что в этом есть смысл.

Григорий Александрович ушел звонить, Белла покончила с завтраком и подошла к раскрытому окну. Прямо перед глазами раскачивались ветки старого тополя, пахло мокрым газоном, кофе, какими-то духами... Небо над головой было ясным-ясным, голубым и бездонным. И, глядя на эту красоту и вдыхая свежий воздух, ей почему-то захотелось поплакать. Но не от горя, что не стало Макса, а от необратимого чувства досады за то, что он ее оставил. Она и сама не ожидала от себя такой реакции на эту невозполнимую потерю. Страдать от одиночества – это одно, но злиться на человека, который отошел в мир иной, – это ли не эгоизм?

Глава 6

Они пришли на встречу на четверть часа раньше.

Савельев назначил им свидание в двенадцать часов в парке культуры и отдыха, на третьей скамье от лодочной стоянки. Кругом было полно людей, которые прогуливались по тенистым липовым аллеям, катались на аттракционах чешского луна-парка, стояли в очередях за мороженым, горячими бутербродами и шашлыком, сахарной ватой и пончиками.

– Их что, дома не кормят? – недовольно проговорила Белла, откидываясь на спинку скамьи, устремляя свой взор в небо и щурясь от солнца. На ней было новое белое платье, которое они купили всего час назад в салоне «Gera». И атласные, винного цвета, туфли с ручной вышивкой. – Гриша, что это вы на меня так уставились?

– Белла, ты выглядишь сногшибательно. Я не представляю, что скажет Савельев, увидев меня в твоём обществе...

– Зато я знаю: совсем ополоумел Пасечник, перешел на малолеток.

– Обижаешь.

– Как будто вы меня не обижаете? – Она вздернула нос и отвернулась от него. – Мороженого бы купили, что ли...

Сам Григорий Александрович был в светлом стильном костюме и кремовых замшевых туфлях. «Пижон. Но красивый, умиротворенный». Солнце играло в его серебряных волни-

стых волосах. Матовыми стеклами сверкали шикарные очки от «Karlo Pazolini».

– Вы вот хамите и даже сами не замечаете этого...

– Подожди, вон он, кажется, идет...

И действительно, прямо к ним шел невысокий толстячок во всем черном. Лицо его было недовольным. В уголке пухлых губ торчала сигарета.

– Салют динозаврам, – проронил толстячок и плюхнулся рядом на скамью. – И черт меня дернул назначить вам встречу именно здесь. Пришлось брать такси и мчаться через весь город... Не жизнь, а помойка. Девуцу только что вытащили из сточной канавы. С неделю пролежала, это точно... Красивая была, вот как ты... – Он обернулся к Белле и вдруг расхохотался, увидев, как побелело ее лицо.

– Гриша, как тебе удастся приручать таких зверьков? Это же просто чудо какое-то, а не девушка. Как вас зовут?

– Зу-Зу, – зло бросила Белла и хмыкнула. Ей не понравился Савельев. Когда он был у них дома, то вел себя поприличнее, вернее, вообще молчал, пока она не вышла из гостиной. А здесь распетушился.

– Что это за имя такое? Зоя? Зина?

– Говорят же тебе: Зу-Зу.

– Кличка, что ли?

Она не ответила. Но ее обрадовало уже то, что он ее не узнал.

– Коля, у нас к тебе дело.

И Пасечник рассказал Савельеву все, что знал о Белле.

– Ну-каними очки, – приказал ошалевший от услышанного Савельев, и Белла неторопливо сняла солнцезащитные очки. – Да не может такого быть! Ты – жива? Изабелла, как же так?

– Так.

– Если бы я не дал слово Грише, взял бы тебя за руку и потащил к себе... Как тебе удалось остаться в живых?

– Я же тебе все объяснил... – почему-то разнервничался Гриша. – Зачем пытаться девочку еще раз?

– А затем, мой милый, что все, что она тебе наплела, – туфта. Как можно вообще поверить в такое? Просто бред какой-то! Подростки привели ее на свалку? Да ты представляешь себе, где находится свалка, а где ресторан «Европа»? Тот и оно, что тебе это даже в голову не пришло... И как это она могла подняться после того, как ее отбросило взрывной волной, и пойти неизвестно с кем и неизвестно куда?!

– Если честно, – вмешалась Изабелла, – то я и сама этого не понимаю. Но то, что я была на свалке, это действительно правда. Я даже могу отвести вас туда и показать шалаш, где я и очнулась...

– Что за подростки? Возраст? – шумел Савельев. Похоже, он начал уже забывать, что находится не в кабинете следователя прокуратуры по особо важным делам, а на скамейке в городском парке.

– Лет по тринадцать-четырнадцать. Совершенно испор-

ченные дети. Когда я очнулась, они занимались... Словом, они вели себя так, словно они взрослые. Вы понимаете меня?

И тогда Савельев, который привык, очевидно, не церемониться и называть вещи своими именами, задал конкретный вопрос, употребляя соленое, но весьма емкое словцо, глагол, как раз и означающий то, чем занимались Наполеон с Лизой на кровати.

– Да, – покраснев, ответила Белла.

– Впрочем, а что им еще остается делать. Уверен, что эта девица продает себя остальным обитателям помойки...

– Они мне сами об этом говорили.

– Но ты-то сама неужели не помнишь, как очутилась в их шалаше?

– Нет...

– А как выходила из «Европы», помнишь?

– Помню. Даже очень хорошо. Мы договорились с Максом, что я выйду чуть позже его, чтобы наш уход не бросался в глаза... Понимаете, он вечно на работе, а тут выходной, и эта дурацкая вечеринка...

– День рождения Веры Фишер, не так ли?

– Да вы все знаете.

– Еще бы... Никоненко, следовательно, который занимается делом вашего мужа, с ног сбился, пытаюсь найти хотя бы какую-нибудь ниточку...

– Плохо работает этот ваш Никоненко, – снова подала голос Белла. – Как это так получилось, что в сгоревшей маши-

не обнаружили останки женщины? Мужчина – это понятно, но женщина-то как?

– Хочешь верь, хочешь нет, но я лично был в морге и видел, как работает с ТВОИМИ, пардон, КОСТОЧКАМИ Олег Виноградов, наш патологоанатом... Я уж не знаю, как получилось, что в машине действительно была женщина, причем такая же молодая, как ты. Больше того, в деле имеются золотые украшения... Браслет гладкий, обручальное колечко, три цепочки и очень интересные запонки...

– Это Макс... – прошептала Белла, – это его запонки... И я действительно была на дне рождения Веры в дутом браслете...

– Правильно. И Лора Парсамян, и Вера Фишер опознали твои вещи...

– Но как могло такое случиться? Ничего не понимаю...

– Когда ты очнулась в шалаше, золотых вещей ведь не было?

– Нет, но я про них и не вспомнила. Мне сказали только, что мое платье и туфли продали какому-то Татарину. Это с ним за деньги спит Лиза, я только сейчас вспомнила...

– Татарин? Нам необходимо его найти. Да и подростков тоже. Думается, они смогут рассказать много интересного. Понимаете, в чем дело, во всей этой истории есть прокол. Не хватает машины, которая привезла тебя на свалку. Сама ты дойти не могла. Не на трамвае же тебя, бесчувственную, везли.

– Нет, конечно...

– А как ты себя чувствовала, когда очнулась? У тебя что-нибудь болело?

– Вообще-то не помню, но кажется, что болело все.

– Я тебе сейчас задам вопрос, а ты постарайся ответить на него честно: тебя не изнасиловали?

– Нет. Я уверена в этом.

– Тебе виднее. А как звали того парня?

– Наполеон.

– Прекрасно. Он что, не приставал к тебе?

– Он быстро восстановился после Лизы и захотел меня. Даже Лизе вроде бы предложил поучаствовать. Но они дали мне возможность уйти. Я сама до сих пор не пойму, почему это произошло. Ведь они, как сейчас начинает до меня доходить, могли с таким же успехом продать меня тому же Татарину за деньги. Они могли бы меня связать, чтобы я не убежала.

– Ты осмотрела себя? Следов уколов не находила?

– Нет.

– Странная история. Наполеон и Лиза объяснили тебе, почему они оказались возле ресторана?

– Они сказали, что собирались меня «почистить», я еще не сразу поняла, что они просто хотели ограбить меня... И Наполеон очень расстроился, обнаружив в моей сумочке только сто рублей.

– Значит, была и сумочка?

– Да, была. Маленькая черная. Только не говорите, что вы и ее нашли в машине...

– Скажу, что нашли. Какой замочек там был? Случайно не два металлических шарика?

– Послушайте... У меня мороз по коже от ваших слов. Не хватало еще только сказать, что я – это не я, и все сразу встанет на свои места.

– Правильно. Ты попала в самую точку. Кто-то, кто знает о том, что ты жива, сделал все возможное, чтобы создать полную иллюзию твоей смерти.

– Да вы соображаете, что говорите? Кому это могло понадобиться, если я в конечном счете оказалась на городской помойке? Если бы я была кому-то нужна, разве этот «кто-то» позволил бы увезти меня на свалку? А если кто-то желал моей смерти, то почему не убил, воспользовавшись моим бессознательным состоянием?

– Очевидно, не хотел твоей крови... Но и беспокоиться особенно-то не стал...

– Вы думаете, он был уверен в том, что я не выживу?

– Да ему скорее всего было просто наплевать на тебя.

Беллу всю передернуло от этих слов.

– Вы так говорите об этом, словно действительно речь идет о каком-то конкретном человеке.

– Надо смотреть фактам в глаза. Ты жива, но тебя же вчера похоронили. Так?

– Да.

– Тебя отвезли на свалку и подкинули в шалаш, заплатив ребятам, чтобы они рассказали байку о том, что ты пришла туда с ними своими ногами. Так?

– Наверно.

– Твои вещи сгорели в машине вместе с Максом. Так?

– Так.

– А это означает, дорогуша, что их кто-то туда подкинул. Машина взлетела на воздух. Ты, не успев, на твое счастье, дойти до нее, была отброшена взрывом в кусты... Стой. А не могло ли случиться такое, что человек, который НЕ ХОТЕЛ ТВОЕЙ СМЕРТИ, просто не смог вернуться к тебе? Хотел спрятать тебя на время где-нибудь в надежном месте, чтобы потом вернуться, но не смог. Умер или заболел. Мало ли.

– Знаете что, у меня нет таких знакомых, которые прятали бы меня на помойке, и хватит об этом!

– Да, что-то заговорился я тут с вами. Интересную историю ты мне подкинул, дружок, – сказал Савельев, обращаясь к Пасечнику. – Жаль, что не я веду это дело. – Белла хотела что-то сказать, но он опередил ее: – Не переживай, как там тебя... Зу-Зу? Я никому не расскажу о тебе. Тем более что обещал Грише, а я ему многим обязан. А что касается Исханова, то уже сейчас могу сообщить следующее. Да, действительно, в Кировском РОВДе лежит его заявление о привлечении его заместителя, Ямщикова, к уголовной ответственности за хищение крупной партии сахара, муки, масла, ванили и чего-то там еще, кажется, орехов... Неинтересное дело,

скажу я вам. Таких у нас сотни. Но какое отношение может иметь Исханов к вашей истории?

– Он был клиентом моего мужа.

– Он обращался к Лерману по такому пустяковому вопросу? А может, они были знакомы с ним и до этого?

– Вполне может быть, я точно не знаю.

– Если хотите, я наведу об Исханове справки: где учился, семейное положение... Вы, Изабелла, надо понимать, решили найти убийцу своего мужа? Предлагаю сделку: вы предоставляете информацию мне, а я вам. Так мы скорее отыщем этого негодяя.

Белла поразились тому, как просто и даже примитивно складывается у них разговор. Как в кино.

– Неужели вы думаете, что я обратилась к вам за помощью лишь для того, чтобы информировать прокуратуру о ходе моего собственного расследования? – сдержанно спросила она, понимая, что еще немного, и она взорвется. «Как наша «Мазда».

– Ха! Собственное расследование! Да без меня вы ниче-гошеньки не сможете. Поэтому предлагаю спрятать ваши амбиции куда подальше и заняться делом. Ведь у вас наверняка имеется список подозреваемых. Предоставьте его мне.

– А вы, значит, Никоненко. И завертится милицейская машина?

– Прокурорская. А вы как хотели?

– Коля, мы хотели без шума и пыли. Конечно, что-то, без-

условно, мы тебе сообщим, иначе как же ты сможешь нам помочь, но не дави на Беллу, не видишь разве, что она готова вцепиться тебе в волосы...

– Да понял я все, понял... Вендетта по-корсикански... Не советую. Это может плохо кончиться. Так вы дадите мне список?

– Записывайте, – процедила Белла и продиктовала фамилии.

– Громкие дела, – саркастически прокомментировал список следователь областной прокуратуры. – Ничего не скажешь.

– Вам что-нибудь известно об этих типах?

– Снегин, Парсамян, Сосновская... И вы думаете, что вашего мужа убили люди, имеющие отношение к этим делам?

– Я не знаю. Но ведь кто-то же заложил в машину бомбу, значит, это было кому-то нужно. Либо Макс много знал, либо не выполнил то, за что получил большие деньги. Согласитесь, что из-за маленьких сумм такого шума бы не было.

– У вас есть еще что-то?

Белла поразилась его проницательности.

– Да. Тогда, на вечеринке, я случайно услышала, как Вера Фишер говорила своему мужу о том, что у Макса большие неприятности, что она якобы видела какого-то господина, который подходил к Максиму и разговаривал с ним в грубой форме, из чего Вера сделала вывод, что Макс, взявшись передать судье взятку, оставил деньги себе, а судье отнес ко-

ньяк, почему и проиграл дело...

– Как интересно. В таком случае необходимо допросить Веру Фишер. Давно мечтал поговорить с этой породистой самкой.

– Самкой? – в один голос произнесли Белла и Григорий. – Но почему?

– Как-нибудь в другой раз объясню. – Савельев встал и крикнул. – Хорошо у вас здесь... в парке. Солнышко, цветы, мороженое опять-таки. Рай, одним словом. До завтра.

И он бойким шагом направился в сторону лодочной стоянки.

– Профессионал, – вяло проговорила Белла, поднимаясь со скамейки. – Все схватывает на лету. А чем он вам так обязан?

– Да было дело...

– Наверно, вы ему жизнь спасли?

Они шли по аллее и ели мороженое.

– Все-то ты знаешь. Да, представь себе, спас. И знаешь где?

– Где?

– На охоте. Поехали в заповедник, все чин чином. И я случайно увидел, как какой-то мужик, стоящий в двух шагах от меня, целится не в кабана, которого мы загнали, а в стоящего по его левую руку Савельева... Ну я и бросился на него, повалил... Оказалось, он ждал в лесу, когда мы приедем на охоту... Киллер.

– Ничего себе. И что же было потом?

– Напились как черти, а киллера этого связали. Сдали его только на другое утро... Такие дела.

– Я не поняла, почему на другое утро?

– Так мы же кабана подстрелили... В охотничьем домике пили, Савельев все целоваться лез, плакал, благодарил, что я жизнь ему спас... Комедия.

– У кого комедия, а у кого трагедия. Если вы еще не забыли, что вчера я похоронила своего мужа, то не будете ли вы так любезны отвезти меня на кладбище?

– Поедем, уговорила. Ты цветы покупать будешь?

* * *

– Макс, это я, твоя Зу-Зу. – Белла положила на свежий могильный холмик целую охапку красных роз и присела рядом на траву. На табличке рядом с именем Макса стояло и ее имя: «Изабелла Лерман». – И ты, которая погибла вместе с Максом, пусть будет тебе земля пухом. Как это тебя угораздило оказаться в эту секунду рядом с машиной?.. Жила бы себе сейчас...

Она поднялась и подошла к Григорию Александровичу.

– Послушайте, что-то не особенно получается у меня плакать. Как будто слезы все кончились. В душе пустота... Поедьте отсюда. Уверена, Макс, если видит меня сейчас, ничего, кроме радости, не испытывает... Он видит меня жи-

вой, относительно здоровой, да к тому же еще в обществе приличного человека, который принимает во мне участие...

– Меня радуют оптимистические нотки в твоем голосе.

– Дежурные слова, дежурные фразы, дежурная речь по поводу и без...

И тут она увидела нечто, заставившее ее замолкнуть. Могила Макса была завалена венками, перехваченными черными лентами с надписями. Но, увидев имя «Вера», Белла поняла, что это уж чересчур... Она подошла поближе, отодвинула в сторону большой венок из еловых веток в сочетании с гвоздиками и нашла под ним всю ленту целиком, на которой она прочла: «Максиму Лерману от Веры Фишер. Спи, милый, как на моем плече».

– Ну, это уже слишком!.. – Она чуть не задохнулась от злости. – Вы видели? Нет, вы видели, что она ему написала? Да я разрежу ее на кусочки... Мерзавка! Поедемте отсюда... Или нет, дайте-ка я заберу с собой эту ленту и повешу ее на дверях Веры. Пусть ломает голову, кто бы это мог над ней так подшутить... Уверена, что Марк ничего не видел, а теперь вот пусть посмотрит и задаст ей несколько вопросов... Никогда бы в жизни не подумала, что она способна на такое...

– А что, собственно, произошло? Она же любила его...

– Но он не мог спать на ее плече. Она блефовала при его жизни и продолжает свой гнусный блеф и после его смерти. Как можно терпеть такое?

– Ты взрываешься почему зря... Успокойся и оставь эту

ленту здесь.

Ему с трудом удалось увести Зу-Зу и посадить в машину.

– Ты ведешь себя, как ребенок. Твой муж был немолод, а потому в его жизни могли случаться романы... И что с того, что одной из его пассий была Вера Фишер?

– Я спрашивала его, он отвечал, что у него с ней ничего не было.

– А ты бы хотела услышать что-нибудь другое? Признайся?

– Нет, не хотела бы. – Она горько вздохнула и собралась было заплакать, как почувствовала, что Григорий, взяв ее голову в свои большие руки, приблизил к своему лицу и нежно поцеловал в губы. Она широко раскрыла глаза, но, когда поняла, что сейчас последует еще один поцелуй, закрыла их, даже зажмурила. Нет, такого она от него не ожидала: поцеловать ее на кладбище, рядом с могилой Макса!

Он отпустил ее, и она отвернулась. Только дышала часто и глубоко.

– Вы сумасшедший, это правда... И как только я раньше не поняла этого.

– Ты молодая, полная сил женщина, к тому же теперь совершенно свободная... Что плохого в том, что я поцеловал тебя?

– Вы нехорошо поступили.

– Тебе не понравилось?

Она наклонилась, сорвала травинку и тут же бросила ее

на дорогу.

– Так мы едем отсюда? Сил нет смотреть на эти могилки и кресты...

Глава 7

Дома уже надрывался телефон. Звонил Савельев.

– Я сейчас приеду, – сказал он.

– Белла, надо бы разогреть еду, он придет голодный как волк...

Белла, пожав плечами, пошла на кухню. Звонок Савельева насторожил ее. Неужели он узнал что-то об Исханове? Так быстро?!

Когда раздался звонок в дверь, стол на кухне уже был накрыт. Григорий и Белла встретили оголодавшего следователя и сразу же провели на кухню. Савельев, энергичный и немного суетливый, сполоснув руки над раковиной, уселся за стол и некоторое время молча поглощал один из салатов, а потом, подняв голову, вздохнул и откинулся на спинку стула:

– Вы себе и представить не можете, в какую историю влипли сами и втянули меня. Исханов... И кто бы мог подумать?!

– Коля, не томи. Что случилось?

– Девица... та самая девица, которую мы нашли в сточной канаве... Вы помните, я прибежал в парк весь в мыле, едва не опоздал...

– Помним, конечно... – отозвалась Белла. – Вы еще сказали тогда, что она пролежала в этой самой канаве целую неделю, а была такая же красивая, как я...

– Так вот: это единственная дочь вашего Исханова... Кро-

ме нее, у него никого не было...

– Господи, какой ужас! – Белла закрыла рот рукой и замотала головой.

– Оказывается, она вот уже десять дней как пропала...

– И Исханов молчал? Не заявлял в милицию?

– Не заявлял.

– Но как же вы узнали, что это именно его дочь?

– Думаю, что среди моих коллег у него есть кто-то свой.

Этот человек, очевидно, позвонил ему и все рассказал... Дело в том, что Исханов сам пришел к нам и попросил показать ему девушку... И когда я спросил, откуда он знает, что мы нашли убитую, он только посмотрел на меня... Бррр... Что это был за взгляд! Так вот, он посмотрел на меня и ничегошеньки не сказал... И до сих пор не проронил ни слова... Мы возили его в морг, он опознал тело дочери. Вы себе представить не можете, что в такие минуты испытываю я... И как тяжело скрывать свои эмоции...

– Но почему же он молчал? И молчит до сих пор?

– Понятия не имею.

– Может, у него шок?

– Да нет, он же произносил какие-то слова, когда только пришел и просил показать ему тело...

– Я все поняла: он приходил к Максиму из-за дочери, а дело с мукой и арахисом – это совершенно другая история... А я-то заиклилась на этом... И что же теперь делать? Убили его дочь! Но ведь не просто же так.

– Это-то нам как раз и предстоит выяснить.

– Ее изнасиловали?

– Пока ничего не известно. С нею сейчас работает Виноградов, ближе к вечеру позвоню, может, он что и скажет... Но лично я видел на шее пятна... А это говорит о том, что она удушена.

– Сколько ей лет?

– Девятнадцать...

– Как мне. Но все равно мы не должны забывать и про зама Исханова. Где он сейчас, кстати?

– Дома, где же еще! Отдыхает до суда. Ограничились подпиской о невыезде. Теперь по вашему списку, – Савельев придвинул к себе тарелку с жарким так, словно где-то среди кусочков мяса и находился тот самый список, о котором он говорил, – Снегин. Снегин-старший сидит. Снегин-младший бьется как рыба об лед, хочет, чтобы отца отпустили. Нанял аж трех адвокатов. Одним из которых и был ваш Лерман.

– Что там за взятка и кому?

– Якобы Виктор Николаевич – это Снегин-старший, директор химкомбината – получил взятку от своего бывшего работника, некоего Иванова Петра Васильевича, в размере десять миллионов рублей за то, что поможет ему приобрести по льготным ценам акции своего же комбината. Много акций, на триста пятьдесят миллионов рублей. Понятное дело, Иванов в этом случае представлял интересы своей фирмы, в которой он в настоящее время работает... Но Снегин

утверждает, что никаких денег он не брал, что Иванов во время их разговора, который происходил в машине, просто передал ему папку с какими-то бланками, кажется, речь шла о бланках международных контрактов... И вот среди этих бланков и находился конверт с десятью миллионами рублей. Сумма-то, между нами говоря, ничтожная... Но стоило Снегину выйти из машины, как ребята из ФСБ, предупрежденные о передаче взятки, схватили его, что называется, с полличным. Бедолаге даже с сердцем стало плохо...

– Надо бы проверить Иванова. Так поступить мог только человек, у которого рыльце в пуху, – неожиданно громко и эмоционально вмешалась Белла, – такие вещи проделываются сплошь и рядом! Просто он сам где-то увяз по уши, и, чтобы отмыться, ему и предложили инсценировать эту взятку. Я в этом более чем уверена.

– Белла, да ты просто смотришь в корень! – вырвалось у Савельева. Он уже немного успокоился, еда явно пошла ему на пользу.

– А что касается выбора Снегина на роль жертвы, то и тут надо пораскинуть мозгами и подумать, КОМУ из администрации так помешал директор химкомбината. Я лично склонна думать, что это дело рук одного из замов Володарского, который находится в тесной дружбе с немцами... Разве вы не помните историю со стиральными порошками? Немцы собирались вложить деньги в создание комбината по производству моющих средств, но что-то у них там не по-

лучилось, и они вынуждены были приостановить дело... Об этом писали в газетах... Но некто Вагнер, вы, господин Савельев, не можете не знать, о ком идет речь, встал на защиту интересов немцев.

– Вагнер... Ты имеешь в виду заместителя Володарского Вагнера Владимира Оттовича?

– А кого же еще... Вот откуда ниточка тянется.

– Тебе об этом рассказывал твой муж?

– Нет, просто я знала, что к нему обращался Снегин-младший, а потом еще эта большая статья в «Губернских вестях». Да его подставили, этого несчастного Снегина. Конечно, Макс рассказал мне в общих чертах, что произошло тогда, но насчет всего остального мне пришлось в голову только сейчас.

– Хорошая у тебя голова, ничего не скажешь. За обед спасибо, вы меня прямо ублажили... Не знаю, как теперь работать... Клонит в сон, и все такое... Но я что хочу сказать... В истории Снегина нет такого рычага, мощного рычага, способного спровоцировать убийство... Правда, может быть, за всем этим скрывается что-то еще... Вот такие мои соображения.

Белла воздержалась от комментариев, а Григорий Александрович как будто и вовсе не присутствовал при разговоре. У него был крайне рассеянный вид, да и думал он, казалось, о чем-то своем...

После ухода Савельева он внимательно посмотрел Белле

в глаза и сказал:

– Знаешь, до меня только сейчас дошло, в какую опасную игру мы втянулись... Да и история с этим Наполеоном, который каким-то образом привез или принес, я уж не знаю, тебя на свалку, не выходит из головы. Может, нам стоит съездить туда сначала без Савельева, и ты покажешь мне тот шалаш? Если психологически тебе это сделать трудно, то я не стану настаивать. А вдруг у тебя в голове произошло что-то такое... Галлюцинации, например... Всякое бывает.

– А то, что я машину угнала, это уже ВАШИ галлюцинации? Или вы на самом деле видели новенький красный «Фольксваген» на борисовской даче?

– Нет, это уже реальность. Ну так что, мы поедem или нет?

– А почему бы и нет... Вот только переоденусь.

* * *

Когда проезжали посадки дикой смородины, Белла почувствовала дурноту. Неужели она действительно была здесь, да еще в чужих и грязных лохмотьях? Как же могло такое случиться, что Макс не уберег ее? Неужели он довел свои дела до того критического состояния, когда в ход идут бомбы или пули? Неужели он не чувствовал, балансируя на грани между жизнью и смертью, что ему грозит опасность? Почему не предупредил Зу-Зу об этом? Ведь он же мог ее спрятать, обезопасить, в конце-то концов!

Машина затряслась на ухабах: въезжали на свалку. Глядя на дымящиеся холмы и вдыхая тошнотворный запах испеченных нечистот, Белла вдруг вспомнила, что в день смерти Макса ему должен был позвонить из Москвы Борисов. Ну да, он так и сказал: «Пойдем скорее, заяц, Игорь должен позвонить в половине десятого...» И она его спросила тогда, неужели он поведет машину после выпитого коньяка, на что Макс ответил с присущей ему серьезностью, которую Белла всегда воспринимала как иронию: «А я, между прочим, не выпил ни грамма». Она не поверила ему. А почему?

– Знаете, я вдруг вспомнила, что в тот вечер Максу должен был позвонить из Москвы Игорь Борисов...

– Это хозяин той самой дачи?

– Да. И друг Макса.

– А по какому поводу намечался звонок, не знаешь?

– Нет.

– А что этот Борисов так долго делает в Москве? Чем он занимается? Бизнесмен?

– Нет. Вернее, я не знаю точно... Кажется, он занимается ценными бумагами. При нашей администрации есть какой-то отдел, осуществляющий покупку акций у юридических лиц...

– Тсс... – Григорий схватил ее за руку. – Узнаешь местность?

Белла всмотрелась в открывшийся ей дымный серо-зеленый пейзаж – дымящиеся горы мусора и мусороуборочные

машины, напоминающие больших и неуклюжих жуков, медленно проплывающих по холмам, — и закрыла ладонями лицо.

— Видите там, слева, возвышение? Это и есть шалаш.

— Какой же это шалаш? Нагромождение фанерных ящиков.

— Говорю же: шалаш, — повторила она уже с раздражением. — Вот там они и живут.

— Выйдем?

— Придется. Для чего же мы тогда сюда ехали, спрашивается...

Они вышли из машины и направились к шалашу. Было тихо, если не принимать во внимание шум подъезжающих и отъезжающих мусоровозов да какой-то неприятный хруст под ногами.

Белла остановилась перед рогожей, которая заменяла дверь, отвела ее в сторону и заглянула внутрь. В душной темноте пахло яичницей.

— Лиза, — позвала Белла слабым голосом, все еще не веря в то, что она видит шалаш НАЯВУ.

Послышался какой-то шорох, после чего ей в лицо ударил тонкий луч света.

— Кто там? — услышала она недовольный высокий голос и тотчас узнала, кому он принадлежит.

— Наполеон, это ты?

— Ну, я...

Она набрала в легкие побольше воздуха и шагнула внутрь. Свет сделался ярче: это Наполеон зажег керосиновую лампу. Он сидел на постели, свесив ноги, и чесал свою взлохмаченную голову.

– А, это ты? Чего тебе?

– А где Лиза?

– Нет ее. А зачем она тебе?

– Поговорить хотела.

– Так говори.

– Я не одна.

– Ментов привела? – нахмурился он. – Кто там еще?..

– Мой знакомый. Понимаешь, мне никто не верит, что я дошла сюда пешком... У меня какие-то провалы в памяти... Когда я несколько дней тому назад ушла отсюда, я полдня добиралась до трамвайной остановки... Как могло случиться, что я в туфлях на высоких каблуках пришла сюда? У меня что, был приступ лунатизма?

– Тебе не стоило сюда приходить, – вдруг неожиданно жестко произнес Наполеон и встал. – Уезжай. Я тебе все равно ничего не скажу.

– Я не уйду до тех пор, пока все не выясню... Это сейчас я пришла без ментов, но, если ты будешь так разговаривать со мной, я приведу сюда целый взвод... У меня проблемы, неужели ты не понимаешь? Скажи, я действительно видела взрыв или это ты мне рассказал? Это важно, пойми...

– Все ты видела...

– А где я была во время взрыва? Я никак не могу вспомнить, выходила ли вообще из ресторана... Иногда мне кажется, что в последний раз я видела своего мужа в банкетном зале... Помоги мне восстановить ход событий... Его убили, но могли убить и меня. Я не смогу теперь спать спокойно, пока не пойму, закончилась охота на нашу семью или она только началась...

Когда она произносила последние слова, Наполеон стоял уже совсем рядом, и она в сердцах схватила его за грудки. Григорий, наблюдавший всю эту сцену, сделал шаг вперед, чтобы в случае, если Наполеону не понравится подобное с ним обращение, обезопасить Беллу.

– Мы нашли тебя в кустах, возле машины, – ледяным тоном произнес подросток, – мы подняли тебя и повели...

– Куда?

– Сюда. Все, больше я тебе ничего не скажу.

– А где Лиза?

– Тебе это зачем? Уж она-то точно ничего вам не расскажет... Мне пора за ней идти, так что не стойте на пороге... – Он оттолкнул Беллу и вышел из шалаша. – Только не надо за мной ходить... Это наши дела.

И он стремительным шагом направился в глубь свалки.

– Я не пойду туда, – сказала Белла, с отвращением вдыхая теплый и едкий дым, принесенный в их сторону легким ветром. – Мне кажется, что я и так знаю, где Лиза. Она у Татарины. Она спит с ним, а он платит ей за это. Вернее, пла-

тит-то скорее всего Наполеону. Вот скоты!

Они сделали вид, что ушли, и даже отогнали подальше машину, а затем, спрятавшись за какими-то закопченными канистрами и коробками, стали ждать возвращения Наполеона.

Он появился не один. Опираясь на него, к шалашу брела худенькая и простоволосая Лиза. На ней была длинная синяя юбка и красная вязаная кофта. Белые волосы развевались на ветру.

– Ты будешь с ней разговаривать?

– Да, но только не сейчас. Вы можете мне пообещать, что на днях мы вернемся сюда и увезем Лизу домой? Я поговорю с нею с глазу на глаз, идет?

– Хорошо.

Они вернулись в город. Григорий сразу же сел звонить Савельеву.

– Его нет на месте, и трубку никто не берет.

– Наверно, он поехал в морг. А я почему-то всегда считала, что такие, как он, сидят в своих теплых кабинетах и лишь отдают приказания...

– Так оно и есть, но ты не забывай, что мы загрузили его по уши бесплатной работой. И он пашет, можешь мне поверить, за троих. Ты не смотри, что он такой толстяк, в нем энергии знаешь сколько! Поэтому и ест много, надо же как-то компенсировать растраченное.

Белла взяла на колени телефон и набрала СВОЙ номер.

– Куда ты звонишь?

– Домой, – сказала она, грустно улыбаясь. – А вдруг телефон не сгорел? Если бы вы знали, какая красивая и стильная была у нас квартира... Как много сил и времени я потратила на то, чтобы отремонтировать ее по своему вкусу, заказывала мебель из Италии, светильники из Франции... Мы специально ходили на выставки местных художников, чтобы купить картины. Я жила как в раю. Знаете, какой ковер был в нашей спальне? Нет? Он был совершенно белый и вот с таким толстым ворсом. Я любила ходить по нему босиком. Наша квартира была нашим миром. И Макс... Занято... Вернее, мой телефон погиб. Короткие гудки...

Они опустила трубку, откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. И в это время зазвонил телефон. Григорий Александрович взял трубку, но, услышав что-то, побледнел и протянул трубку Белле.

– Тебя, – сказал он, с недоумением глядя на нее. – Какая-то женщина.

Белла попыталась руками изобразить свое недовольство по поводу того, что он сразу не сообразил повесить трубку, но любопытство было так велико, что она не выдержала, приложила трубку к уху и спросила глухим голосом:

– Кто там?

– Изабелла, это ты?

– Я... Но с кем я говорю?

– Ты говоришь, милочка, с Изабеллой Лерман. Я думаю,

что пора заканчивать этот дикий спектакль. У тебя было достаточно времени, чтобы решить все свои проблемы. Макса все равно нет, он погиб. Зачем только ты все это устроила, непонятно...

– С кем я говорю? – Белла почувствовала, как лоб ее покрылся испариной. Было действительно дико слышать по телефону СВОЙ голос.

– Повторяю. Я – Изабелла Лерман. Но Макс звал меня нежнее... Зу-Зу. Это ты убила его, и ты ответишь за это. Оставь в покое Пасечника и возвращайся туда, откуда приехала. Все, что могла, ты уже сделала.

И гудки. Короткие гудки.

Белла трясущимися руками положила трубку и повернулась к Григорию.

– Скажите, разве я похожа на сумасшедшую?

– Пока нет. А что случилось? Это звонила какая-нибудь из твоих приятельниц? Тебя выследили?

– Это вы во всем виноваты... Зачем вы сразу не бросили трубку?! Как вы могли вот так просто, после всего, что я вам рассказала и о чем просила, выдать меня...

– Извини, я совершенно потерял бдительность. Хотя и у меня, по правде сказать, волосы на голове зашевелились, когда я услышал в трубке твое имя.

– А как она меня позвала?

– Очень просто: позовите, пожалуйста, Беллу Лерман.

– Я никогда, слышите, никогда вам этого не прощу... –

Зу-Зу отвернулась и заплакала. – Она сказала, что ОНА и есть Изабелла Лерман. А кто же тогда я?

– Ты соображаешь, что говоришь? Как это она могла назваться твоим именем?

– Вот так... Она сказала, что это я убила Макса... А еще она сказала, что ЕЕ Макс называл Зу-Зу... Наверно, мне не следовало вам этого рассказывать, теперь вы точно будете считать меня ненормальной. Но я все это не выдумала...

– Успокойся... Ты сильно нервничаешь... Возможно, тебе давят на психику... Ты должна быть готова ко всему.

– Посмотрите мне в глаза... и скажите: вы-то не сомневаетесь, что я и есть Изабелла?

– Белла, не раскисай...

– Вот и вы тоже разговариваете со мной, как с ребенком... Слишком уж много на меня навалилось за последнее время... Может, мне все бросить и уехать?

– Если тебя интересует мое мнение, то да, это было бы самым мудрым решением. Но это не ты сейчас об этом сказала, это в тебе заговорил инстинкт самосохранения, а он будет послабее, чем жажда мести. Ведь ты хочешь отомстить?

– Я уже и сама не знаю, чего хочу... Вы можете мне не поверить, но я не могу простить прежде всего Максу, что он меня бросил...

– Так говорить нельзя.

– Я знаю, но ничего не могу с собой поделать.

– Есть еще один вариант, он, конечно, небезопасный, но, с

другой стороны, он позволит тебе более свободно добывать информацию. Ты еще не догадываешься, что я имею в виду?

– Пока нет... У меня, очевидно, действительно что-то с мозгами...

– Я имею в виду твое возвращение в мир. Явись к тому же Марку Фишеру и объясни все, что с тобой произошло. Если он действительно был другом твоего мужа, он захочет помочь тебе во всем разобраться. А так: был человек, то есть Макс, были проблемы, нет человека – нет и проблем. Это закон.

– Вы что-то не то говорите. Какие такие проблемы были у Марка с Максом? Абсолютно никаких.

– Может, я не так выразился...

– Конечно, не так. Все будет более примитивно: появлюсь я и создам целую кучу проблем Марку. Вот и все, чего я добьюсь. Марк не поможет мне найти убийцу Макса. Мне вдруг захотелось покоя. Я устала от внутренней дрожи, от того, что при каждом резком звуке, стуке, звонке, шорохе меня бросает в пот и я вся покрываюсь мурашками... Но для того, чтобы зажить более-менее спокойно, мне просто необходимо узнать, КОМУ была нужна наша смерть. И вот пока я этого не узнаю, я не смогу спать спокойно.

Григорий Александрович взглянул на нее с недоверием.

– Вы совершенно напрасно так смотрите на меня, я говорю серьезно.

– Ну раз так, то давай действовать.

– Но как?

– Вернемся к нашему списку. Пока Исхановым занимается Савельев... О Боже, произнес эту фамилию и сразу же вспомнил о его дочери... Я как-то забыл о ней.

– Я не забыла... Но пока Савельев будет раскручивать Исханова и пытаться выведать у него причину его столь долгого молчания, мы бы могли навестить Снегина-младшего.

– Ты говорила, что он был у вас дома, как ты думаешь, он мог запомнить тебя, твое лицо?

– Трудно сказать. Они разговаривали у Макса в кабинете, я только принесла кофе и сразу же ушла. Думаю, что с помощью парика я могла бы слегка изменить свою внешность и заявиться к нему как журналистка. Ведь такие, как он, ищут справедливости... Думаю, что появление журналистки, да к тому же еще и по следам статьи, будет вполне логично, как вы считаете?

– Не могу сказать, что это решение оригинально, скажу прямо – оно тривиально, но как иначе можно его разговорить?

– Можно познакомиться с ним вообще на нейтральной почве. Скажем, явиться к нему на работу и грохнуться в обморок прямо в его кабинете... Ведь он, кажется, работает в каком-то конструкторском бюро чуть ли не главным специалистом...

– Если ты собираешься его соблазнить, то хочу предупредить, что мужчина, находящийся в подобной ситуации,

неспособен воспринимать женщину как таковую... В лучшем случае он вызовет «Скорую», а то и вовсе ограничится нашатырным спиртом и помощью своей секретарши.

– Тогда остается одно: стать на время журналисткой. Более того, я просто уверена, что после разговора с ним у меня действительно получится статья, которая впоследствии может сослужить ему неплохую службу. Отправлю ее в «Губернские вести» под псевдонимом...

– Не увлекайся... У тебя несколько другая задача...

Но она уже не слышала его.

– Григорий Александрович, – раздался ее голос из прихожей, – поедemте скорее... Я, кажется, знаю, где в нашем Богом забытом городе продаются неплохие парики... Кроме того, неплохо было бы купить диктофон, который наверняка пригодится нам не только для встречи со Снегиным... Только бы он был на работе, ведь уже шестой час...

Глава 8

– Откуда ты знаешь, где находится это конструкторское бюро? – спрашивал Григорий Александрович у Беллы, когда они уже были в машине и мчались в сторону аэропорта.

– Макс говорил, что во время беседы со Снегиным-младшим в его конторе он больше всего боялся, что на них свалится какой-нибудь самолет. И добавил еще, что не смог бы жить рядом с аэропортом, в таком гуле. А так как к аэропорту ведет всего одна улица, значит, и КБ должно находиться где-то неподалеку. Вы смотрите налево, а я – направо. Как вы понимаете, контора сейчас по нашим временам убыточная, стало быть, и вывеска будет невзрачная...

И она оказалась права. Конструкторское бюро сейсмического оборудования находилось в крохотном строении, прилепившемся к длинному и мрачному зданию аэропортовых диспетчерских служб. Небольшая скромная вывеска, сделанная из тусклого малинового стекла, терялась на фоне темно-розовой штукатурки.

– Если меня долго не будет, приходите выручать, – усмехнулась Белла, выходя из машины и поправляя на ходу красный свитерок. На светлых кудряшках дешевого немецкого паричка сверкало солнце. Слегка покачивая бедрами, обтянутыми в узкие брюки, она дошла до двери и, оглянувшись на сидящего в машине Григория Александровича, скрылась

за нею.

Сергей Снегин походил на ангела-переростка. Высокий, светловолосый, с нежным румянцем на щеках и мечтательными голубыми глазами – такие породистые дети не могут рождаться у потенциальных взяточников. Голубая кровь просвечивала сквозь кожу этого потомственного интеллигента.

– Я больше не даю интервью, – заявил он спокойным голосом и снова углубился в свои бумаги.

– Ну и ладно, – миролюбиво проворковала Белла и включила диктофон. – Между прочим, я такая же журналистка, как вы. Просто этот мерзавец Иванов, который Петр Васильевич, насолил и мне. Вот я и подумала, а почему бы нам не объединить наши усилия? У меня есть план.

– А вы кто? – В глазах этого ангела загорелся огонек.

– Вы неправильно формулируете вопрос. Вы же хотели спросить: вы ОТ КОГО?

– Точно! Так от кого же вы?

– Ни от кого. Грош мне будет цена, если я все выболтаю первому встречному. Вы не верите мне, а я вам – по-моему, это естественно. Сначала послушайте меня, а потом решайте, верить мне или нет. Мой план сводится к одному-единственному звонку. У вас ведь наверняка есть телефонный справочник?

– Есть, – сухо ответил Ангел.

– Постарайтесь найти номер телефона отдела химкомби-

ната, занимающегося продажей акций. Представьтеся директором фирмы «Берлин-Инвест» и договоритесь о встрече. Вас спросят, по какому поводу вы звоните, и вот тогда вы скажете им, что собираетесь купить акции комбината и что завтра в десять к ним приедет ваша представительница, Эльза Штейнберг.

– И все?

– Все.

– А кто такая Эльза Штейнберг и что это за фирма такая «Берлин-Инвест»?

– Как, разве вы ни разу не слышали об этой фирме? Самые крупные инвестиции во все предприятия нашего региона, связанные с химической промышленностью... Вплоть до фармацевтических заводов...

Ангел пожал плечами:

– И что же будет дальше?

– Я позвоню вам завтра в полдень, мы договоримся с вами о встрече и подумаем, как нам действовать дальше.

– Никуда я не собираюсь звонить. Во что еще вы намерены втянуть меня? И что находится в вашей сумочке? Деньги? Взятка?

– Деньги у меня, конечно, имеются. Но мне нет никакого резона делиться ими с вами... Разве что после того, как освободят вашего отца, мы купим на них бутылку коньяка и отпразднуем успех... У вас ведь нет денег? Вы все отдали адвокатам... Не надо ничего говорить, я все знаю...

– А я не мог вас раньше где-нибудь видеть?

– Разве что во сне. Так вы позвоните на комбинат?

И Снегин, выписав из справочника несколько телефонных номеров, принялся звонить. Он сделал все так, как сказала ему Белла.

– До завтра. – Она улыбнулась ему и протянула руку. – Вы знаете, у вас такие красивые глаза... И волосы...

Она ушла, а он еще какое-то время смотрел на дверь. Потом скомкал листок, на котором писал очередную жалобу прокурору области, и швырнул его в корзину.

«Эльза Штейнберг...»

* * *

– Ну как дела? – спросил ее Григорий Александрович. – Поговорила?

– Поговорила. Очень приятный и неиспорченный молодой человек. Мне от души жаль их семью.

– Куда теперь?

– А теперь надо бы узнать адрес Сосновской...

– Это только вечером теперь, когда объявится Савельев.

– Тогда поедемте в интернат. Думаю, что лучше всего было бы встретиться с самой девочкой... Словом, по дороге обсудим...

Пока ехали в интернат, Белла рассказала Григорию Александровичу о своем плане относительно Снегина.

– А ведь ты и меня поймала... «Берлин-Инвест» – звучит, ничего не скажешь.

– Понимаете, я же чувствую, что все дело Снегина шито белыми нитками. Вот увидите, стоит мне появиться в отделе по ценным бумагам или в бухгалтерии, уж не знаю, кто конкретно этим занимается, и представиться этой самой Эльзой, я больше чем уверена – мне запросто продадут акции, и не на триста пятьдесят миллионов рублей, а гораздо больше. И что же тогда получится? Что купить акции на комбинате не составляет никакого труда и что никакая взятка для этого не нужна... Да вы взгляните на местные газеты последних месяцев: там только и писали, что об акциях... Их предлагали населению по таким низким ценам, что, будь у нас народ поумнее, скупил бы вообще весь комбинат...

– Я не уверен, что человек с улицы и представитель такой фирмы, как «Берлин-Инвест», имеют равные права...

– Может, вы и правы. Но я завтра непременно заявлюсь на комбинат с диктофоном. И еще: хочется все-таки своими глазами увидеть этого Иванова. И припугнуть его как следует. Ведь мы же все, в сущности, чистоплюи. Почему бы, например, не выяснить самые уязвимые его места и не сделать ему больно? Если есть у него семья, пригрозить, что... Уф... Меня куда-то занесло...

– Это уж точно. Успокойся. Хотя, признаться, в твоих словах, безусловно, есть доля здравого смысла. Такие, как этот Иванов, не имеют права калечить жизнь ни в чем не повин-

ных людей. Я имею в виду Снегина...

– То-то и оно. Мы, кажется, приехали?

Интернат, старинное немецкое здание, утопал в зелени сквера. Во дворе бегали дети, играли с забавной рыжей собакой. Из небольшого домика красного кирпича доносился запах вареной капусты. Это, наверное, была столовая.

– Предлагаю пройти к директору, представиться мужем и женой, которые желают взять на воспитание девочку шести-семи лет.

– А почему не совсем маленькую?

– Да потому что это не детский дом, а интернат, и детей младше шести лет здесь просто нет. Поэтому-то меня и насторожило, что Инга Сосновская выбрала себе девочку именно двенадцати лет. Подозрительно. Как раз возраст полового созревания, к тому же у подростков это самый сложный период... Как вы думаете, какие цели преследовала эта садистка, когда забирала ее к себе?

– Трудно сказать. Возможно, хотела, чтобы ей выделили квартиру или какие-нибудь пособия.

– А что, если она использовала девочку совершенно в других целях?

– Отдавала мужчинам?

– А почему бы и нет? Мне Макс так много рассказывал о подобных процессах...

– Что ты имеешь в виду?

– Старых извращенцев, которые любят маленьких дево-

чек и готовы заплатить любые деньги, чтобы только заполнить их к себе в постель. Сколько в нашем городе было таких дел... Конечно, процессы были закрытыми, но видели бы вы, как много людей толпилось в коридорах суда... Вы словно только что родились, Григорий Александрович.

Они вошли в центральный особняк, прошли по длинному коридору с паркетными полами, натертыми сильно пахнущей мастикой, и остановились перед дверью с табличкой «Директор». Постучали.

– Заперто. Никого. Конечно, уже вечер. Но нельзя же вот так просто уехать, ничего не узнав. – Белла чуть ли не за руку вывела Григория Александровича на улицу. Они сели на скамейку и принялись наблюдать за игрой детей. Вдруг Белла сорвалась с места и побежала за мячом. Мальчик, который устремился за ней следом, остановился и приготовился поймать мяч от нее. Белла вместо того, чтобы ударить по мячу ногой, взяла его в руки, подошла к мальчику и о чем-то спросила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.